ПРОДОЛЖАЕМ ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

Светлана Джамалдаева, студентка исторического факультета грозненского университета.

К 50-ЛЕТИЮ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОЙ АССР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 48 (2369)

Основан 1 апреля 1923 года

25 НОЯБРЯ 1972

Р О

С. АПРЯТКИН,
депутат Верховного Совета СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат Государственной премии СССР,
первый секретарь Чечено-Ингушского обкома КПСС

Фото А. БОЧИНИНА.

Волшебницы тончайших нитей — работницы Назрановской трикотажной фабрики Мадина Дзейтова и Кейпа Оздоева.

Д Н И К

Участок автомагистрали Москва — Баку, проходящий по Чечено-Ингушетии, называют главной улицей республики. Дорога, словно бесконечный конвейер, несет на себе машины, механизмы, автопоезда, автобусы. Возле стен Назрановской крепости обе ленты конвейера замедляют свой бег — нельзя миновать замечательный родник «Дружба». Свое имя он получил за то, что возле него всегда людно,— кто же в дороге откажется от стакана ледяной родниковой воды! Тут же возникают быстрые дорожные разговоры, завязываются знакомства. И почти все говорят только по-русски. Казалось бы, что в этом особенного: как же иначе могут понять друг друга чеченец и кабардинец, аварец и грузин, ингуш и адыг, осетин и азербайджанец! Но стоит вдуматься в эту знаменательную примету нашего советского быта...

Продолжение см. на стр. 6—7.

Проводы руководящих деятелей Болгарии на Внуковском аэродроме.

НЕПОКОЛЕБИМОЕ ЕДИ

Из Москвы на родину 18 ноября отбыла партийно-правительственная делегация Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК Болгарской коммунистической партии, Председателем Государственного совета НРБ Тодором Живковым.

Делегация находилась в Советском Союзе с официальным, дружеским визитом по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Партийно-правительственная делегация НРБ имела дружеские встречи с трудящимися Москвы и Тбилиси, посетила ряд предприятий и учреждений.

В яркую демонстрацию нерушимой советско-болгарской дружбы вылилась встреча коллектива ученых, преподавателей, студентов Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова с посланцами народной Болгарии. В актовом зале МГУ состоялся митинг советско-болгарской дружбы. Товарищ Тодор Живков сообщил, что Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова награжден орденом Народная Республика Болгария I степени.

14 ноября партийно-правительственная делегация Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым посетила Мавзолей В. И. Ленина и возложила венок.

В тот же день члены партийно-правительственной делегации Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК БКП, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым возложили венок к памятнику славному сыну болгарского народа, выдающемуся деятелю международного коммунистического и рабочего движения Георгию Димитрову.

По-братски, сердечно встречала партийно-правительственную делегацию Народной Республики Болгарии столица Грузии. Вместе с делегацией сюда прибыли член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР К. Т. Мазуров, другие официальные лица.

Во время братской и сердечной беседы в Центральном Комитете КП Грузии первый секретарь ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе тепло приветствовал товарища Тодора Живкова и других болгарских друзей.

Вечером 16 ноября делегация возвратилась в Москву.

17 ноября в Кремле были завершены переговоры Генерального

Фото А. ГОСТЕВА.

НСТВО

секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорного, члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с партийно-правительственной делегацией Народной Республики Болгарии во главе с Первым секретарем ЦК Болгарской коммунистической партии, Председателем Государственного совета НРБ Т. Живковым.

В совместном советско-болгарском коммюнике говорится, что состоявшиеся переговоры, меры, которые намечены по дальнейшему развитию традиционной дружбы между КПСС и БКП, между советским и болгарским народами, полностью отвечают интересам СССР и НРБ, интересам всего социалистического содружества.

От имени Центрального Комитета БКП, Государственного совета и Совета Министров Народной Республики Болгарии болгарская партийно-правительственная делегация пригласила партийно-правительственную делегацию Союза Советских Социалистических Республик посетить Народную Республику Болгарию с официальным дружеским визитом. Приглашение было принято с благодарностью.

Москва. 21 ноября в Кремле члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС тов. М. А. Суслову были вручены орден Ленина и вторая золотая медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда.

На снимке: Руководители партии и правительства при вручении награды товарищу М. А. Суслову.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

15 ноября в Москву по приглашению ЦК КПСС прибыл Генеральный секретарь Коммунистической партии Чили Луис Корвалан.

На снимке: на Шереметьевском аэродроме Л. Корвалана приветствует член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС А. П. Кириленко.

Фото ТАСС.

21 ноября по приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства в Москву с официальным визитом прибыла партийно-правительственная делегация Народной Демократической Республики Йемен во главе с Председателем Президентского совета, заместителем Генерального секретаря ЦК Национального фронта НДРЙ Салемом Рубейя Али.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами НДРЙ и СССР, делегацию встречали член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. А. Яснов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, министры СССР А. А. Громыко, А. А. Ишков, Н. А. Щелоков, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по внешним экономическим связям С. А. Скачков, заместитель заведующего отделом ЦК КПСС Р. А. Ульяновский, другие официальные лица.

В числе встречавших были посол НДРЙ в СССР Ахмед Салех аш-Шаер, сотрудники посольства.

На снимке: встреча на Внуковском аэродроме.

Фото А. Гостева.

В Большом Кремлевском дворце 21 ноября открылся Третий съезд художников РСФСР.

В работе съезда принимают участие кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС секретарь ЦК КПСС П. Н. Демичев и Председатель Совета Министров РСФСР М. С. Соломенцев, заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, министр культуры СССР Е. А. Фурцева.

Делегаты и гости единодушно избрали в почетный президиум съезда Политбюро ЦК КПСС.

С отчетным докладом о работе правления Союза художников РСФСР «Художник и современность» выступил председатель правления Г. М. Коржев.

Фото А. Конькова (ТАСС).

Слово Петеру ФЛОРИНУ, статс-секретарю Министерства иностранных дел Германской Демократической Республики.

НА ВЕРНОМ ПУТИ

Подготовка к общеевропейскому совещанию по вопросам безопасности и сотрудничества вступила в завершающий этап. 22 ноября в столице Финляндии Хельсинки начинаются многосторонние консультации европейских государств, США и Канады, на которых предстоит решить вопросы, связанные непосредственно с созывом столь важной международной встречи. Это стало возможным благодаря тому, что в результате усилий Советского Союза, других социалистических стран обстановка в центре Европы существенно изменилась к лучшему.

Германская Демократическая Республика, активный член социалистического содружества государств, тесно сплотившихся вокруг Советского Союза, стремится внести свой вклад в дело обеспечения длительного и прочного мира. Это стремление всего нашего народа, партии и государства.

Особое место в координированной внешней политике стран социалистического содружества занимают вопросы безопасности нашего континента. Существенной причиной напряженности в Европе является тот факт, что империалистические силы долгое время не хотели признать ГДР как суверенное социалистическое государство, дискриминировали ее в международных делах, старались изолировать ее от народов Запада в надежде, что им снова удастся установить свою власть там, где она перестала существовать. Именно поэтому ослабление напряженности и обеспечение мира в Европе требуют признания существующих границ и суверенитета существующих государств независимо от их общественного строя, требуют, чтобы правительства, которые еще не нормализовали своих отношений с ГДР, сделали такой шаг. Руководители коммунистических и рабочих партий социалистических стран снова подчеркнули важность этого вопроса на встрече в Крыму в июле 1972 года.

На основе изменившегося соотношения сил в мире в результате целеустремленной мирной политики Советского Союза и других социалистических стран были созданы новые, благоприятные предпосылки и для развития отношений Германской Демократической Республики с рядом государств. Исключительно важным является установление нормальных дипломатических отношений между ГДР и Республикой Индией. Этот шаг правительства Индиры Ганди был расценен народами как большой вклад в политику мира. В сентябре этого года были парафированы договор об урегулировании отношений между ГДР и Финляндской Республикой и соглашение между правительствами обоих государств об установлении дипломатических отношений. Таким образом, впервые капиталистическое государство Европы нормализовало отношения с ГДР в полном соответствии с нормами международного права. Вступило в силу соглашение об обмене государственными торговыми миссиями с консульскими функциями между ГДР и Швейцарией. В отношениях между ГДР и ФРГ тоже имеются положительные перемены. Первый международно-правовой договор между ГДР и ФРГ о транспортном сообщении стал действительностью. 8 ноября парафирован договор об основах отношений между ГДР и ФРГ. В нем говорится об установлении нормальных отношений между социалистическим и капиталистическим государствами в сердце Европы в соответствии с нормами международного права, в частности о взаимном уважении суверенитета и независимости.

На XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН министры иностранных дел многих стран высказались за прием ГДР в ООН. Прием ФРГ и ГДР в ООН, несомненно, принес бы пользу равноправному международному сотрудничеству государств.

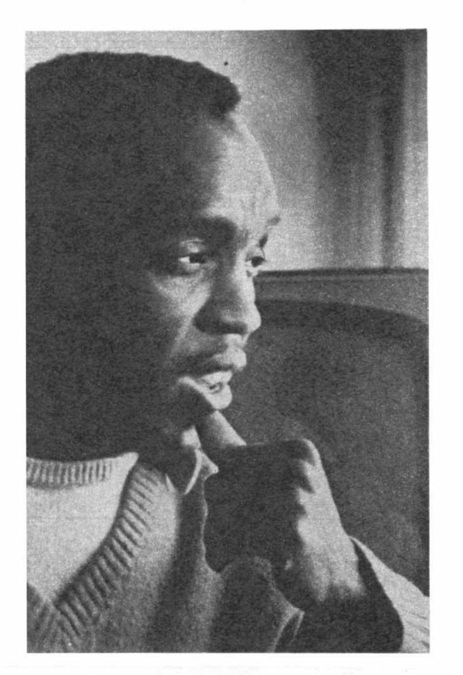
Послевоенная стратегия империализма, направленная против социализма в Европе, потерпела провал, надежды определенных кругов сбросить со счетов ГДР также не оправдались. Миролюбивая политика Советского Союза и других социалистических государств привела к разрядке напряженности, к изменению сил в Европе.

«В наше время,— заявил Первый секретарь ЦК СЕПГ товарищ Эрих Хонеккер,— все подтверждает, что Советский Союз, социалистическое содружество в целом являются главной движущей силой человеческого прогресса на пути к мирной и счастливой жизни».

Заключение Договоров Советского Союза и Польской Народной Республики с ФРГ, четырехстороннего Соглашения по Западному Берлину, Соглашения о транзитах и договора о транспортном сообщении сделало возможным успешное продвижение на пути к нормализации отношений между европейскими государствами. Теперь очень важным является созыв общеевропейского совещания, которое могло бы выработать практические меры по дальнейшей разрядке напряженности в Европе. К ним относятся признание неприкосновенности границ, сложившихся после второй мировой войны, отказ от угрозы и применения силы, уважение принципов суверенитета и невмешательства, одним словом, принципов мирного сосуществования. Германская Демократическая Республика обменивалась мнениями по этим вопросам с представителями многих государств Европы. ГДР будет принимать участие в подготовке общеевропейского совещания на равных правах и будет стремиться доказать свою решимость добиваться мира и взаимопонимания.

НЕ П

Джозеф Нхланхла.

Фото ТАСС, ЮПИ и А. Федорова.

Слева — полиция ЮАР арестовывает участника антирасистской демонстрации в Кейптауне. Справа — студенческая демонстрация в Иоганнесбурге.

ОКОРИМСЯ!

Делегат Всемирной встречи трудящейся молодежи, которая проходила недавно в Москве, член секретариата Африканского национального конгресса (АНК) Южно-Африканской Республики Джозеф НХЛАНХЛА, активный участник борьбы против расистского режима Форстера, рассказывает нашему корреспонденту Л. Макарову о ЮАР — стране застенков.

— Для будущих историков,— говорит Джозеф,— которые зададутся целью исследовать причины возникновения самого черносотенного расизма, существовавшего когда-либо в истории людей и принятого у нас в качестве официальной идеологии, не составит труда определить его истоки. Достаточно будет пролистать стенограммы выступлений некоторых членов южноафриканского правительства. Месяц назад премьер-министр ЮАР, например, публично признал, что он член «Бруденброта» — тайной фашистской организации, которая вот уже несколько десятилетий контролирует всю жизнь в стране.

Как известно, «Бруденброт» («Союз братьев») был основан в 1918 году для защиты интересов африкандеров — иммигрантов из Голландии — в их борьбе против южноафриканцев, говорящих по-английски. С самого начала это была самая шовинистическая, самая реакционная организация в ЮАР. Достаточно сказать, что, когда в Германии к власти пришли нацисты, их «пятой колонной» в Южно-Африканской Республике, готовившей фашистский переворот, был «Бруденброт». Впоследствии многие руководители этого «Союза», в том числе и сам Форстер, были приговорены к различным срокам тюремного заключения как военные преступники.

После второй мировой войны «братья» вновь активизировали свою деятельность. В 1948 году, разжигая ненависть между англоязычными южноафриканцами и африкандерами, а также между черными и белыми, широко прибегая к политической демагогии в духе своих нацистских предшественников, они привели к власти Националистическую партию. Сейчас 90 процентов ее парламентариев — члены «Бруденброта». Почти все министры, руководители армии и полиции, а также многие крупные бизнесмены и ведущие журналисты входят в эту организацию. Как и прежде, «Союз» никому не подотчетен и действует в условиях полной секретности.

Вот уже второй раз в этом году жертвой экстремистов стал директор Христианского института — организации, которая борется против апартеида в ЮАР. В конце августа его дом в Кейптауне несколько раз обстреливали, причем одна из пуль вдребезги разнесла окно в спальне. Перед этим в квартиру председателя студенческого совета Кейптаунского университета Джеффа Будлендера была подброшена бутылка с зажигательной смесью, вызвавшая сильный пожар. А за иоганнесбургским адвокатом Джоэлем Карлсоном, который играл видную роль в защите политических заключенных, фашисты организовали настоящую охоту. В течение года окна его дома и конторы многократно обстреливались, несколько раз в его кабинет подкладывались бомбы. В конце концов Карлсон был вынужден бежать из страны. Преследованиям подвергаются и другие политические деятели Южно-Африканской Республики. В субботу вечером 30 сентября лидер Прогрессивной партии ЮАР Колин Эглин обнаружил на стенах своего дома изображения серпа и молота и надпись: «Поклонник евреев и черномазых». В начале октября неизвестные лица позвонили в секретариат студенческого совета Витватерсрандского университета и заявили:

— Передайте Адаму Клейну и Ральфу Джуде (председатель и его заместитель в студсовете), что мы расправимся со всеми евреями, занимающими руководящие посты в ЮАР. В их распоряжении десять дней, чтобы уехать в Израиль. В противном случае они будут убиты...

Несмотря на возмущение общественности, вызванное этими провокациями, полиция не привлекла к ответу ни одного из преступников. Более того, многие противники апартеида считают, что террористы действуют с полного ведома министерства внутренних дел и Бюро государственной безопасности (БОСС). Не случайно, что хулиганы, зверски избивавшие студентов во время демонстраций летом этого года, как оказалось впоследствии, состояли на службе в полиции.

Пожалуй, нигде в мире «стражи порядка» не действуют так нагло и так безнаказанно, как у нас,— продолжал Джозеф Нхланхла.— Особенно близко мне пришлось с этим столкнуться в тюрьме Претории, где я просидел более шести месяцев. Почти все надзиратели, которые пытали моих товарищей, набирались из бывших уголовников и имели в прошлом по нескольку судимостей. Это настоящие звери и тогда, когда они «работают» в застенке и когда они в форме констеблей патрулируют улицы южноафриканских городов.

Так, например, в сентябре этого года в верховном суде Гремстауна (восточная часть Капской провинции) разбиралось дело полицейского Шарля дю Плесси, обвиняемого в убийстве и изнасиловании молодой женщины. До этого констебль судился дважды, в том числе за кражу со взломом. Судьи были «объективны» и, проявив должное уважение к цвету мундира и кожи полицейского, приговорили его к... семи годам тюрьмы, половину из которых дали условно. Кроме того, на прощание ему вежливо напомнили, что, если бы он был черным или цветным, его бы повесили в 24 часа.

Решение судей вызвало бурю негодования в стране. Даже проправительственная газета «Ранд дейли мейл» писала в своей редакционной статье, что «приговор оставляет без ответа основной вопрос, почему такого человека, как дю Плесси, держали на службе в полиции». Вопрос закономерный, но достаточно наивный. Ведь всего за четыре недели до описанного случая в парламенте ЮАР было сделано сообщение о том, что из 190 полицейских, привлеченных к ответственности в 1971 году за предумышленное нападение на людей, 30 были в прошлом уголовниками. В то время как представители правящей Националистической партии приличия ради решали, выносить этот вопрос на обсуждение или не выносить, в Претории полицейский Николас ван Бильон, обвинив африканца, обслуживающего бензоколонку, в том, что он пытается выдать себя за белого, облил его бензином и поджег...

Особенно беспощадно полицейские расправляются с борцами против апартеида,— говорит Джозеф.— Год назад, в ночь на 24 октября, у полицейской заставы в Иоганнесбурге были арестованы 30-летний школьный учитель Ахмед Тимол и 22-летний студент Мохаммед Эссоп. В их машине якобы было найдено несколько пачек листовок Коммунистической партии и Африканского национального конгресса. За арестом этих двух людей последовали полицейские облавы по всей стране, в результате которых было задержано 47 человек. Впоследствии все они были выпущены на свободу «за отсутствием улик». Что же касается Тимола, то через два дня после ареста, как сообщили полицейские власти, он, «припертый к стене неопровержимыми уликами и вынужденный выдать некоторых товарищей, покончил с собой».

Однако друзья и родственники учителя, хорошо знавшие о методах южноафриканских «артистов плахи» по извлечению «чистосердечных признаний», возбудили против следователей уголовное дело. Следствие тянулось целый год. В конце концов адвокаты неопровержимо доказали, что Ахмеда Тимола бесчеловечно избивали в течение 48 часов, а потом за отказ дать показания выбросили с 10-го этажа иоганнесбургского полицейского управления. Едва не поплатился жизнью и Мохаммед Эссоп. Вскоре после ареста он был доставлен в больницу с тяжелыми телесными увечьями. Но на этом его испытания не кончились. Несколько дней назад Эссоп был признан виновным в коммунистической деятельности, и его теперь ждет смертный приговор или пожизненное заключение.

Надо сказать, что по количеству заключенных, число которых растет в три раза быстрей, чем население страны, Южно-Африканская Республика прочно занимает первое место в мире. Об этом говорят даже сами южноафриканские власти. Так, в августе этого года иоганнесбургский судья Химстра, выступая по местному радио, заявил, что в ЮАР в шесть раз больше заключенных, чем в Великобритании, и в шестнадцать раз больше, чем в Голландии. Подобный «мировой рекорд» Южно-Африканская Республика удерживает и по количеству смертных казней. Если в 1911—1947 годах в ЮАР вешали в среднем по 25 человек в год, то в прошлом году эта цифра возросла до 147. Большинство казненных составляют африканцы. Судья, однако, не счел нужным уточнить, сколько в Южно-Африканской Республике убивают без суда и следствия...

Впрочем, в этой стране-застенке такие вещи теперь никого не удивляют.

— В Претории,— сказал как-то профессор Кристиан Бернард,— казнят в год почти столько же людей, сколько я спасаю своими операциями на сердце...

— Для слежки за противниками режима,— продолжал Джозеф,— южноафриканские власти создали разветвленную сеть осведомителей, даже из верующих. Недавно католический архиепископ Дурбана вынужден был официально выразить свое сожаление по этому поводу.

— Мы скорбим,— заявил он,— что правительство опустилось до такой степени шпионажа за своими гражданами...

Однако почтенный епископ, видимо, забыл, что еще в августе этого года начальник Бюро государственной безопасности генерал Ван ден Берг, которого во время второй мировой войны интернировали как нацистского преступника, дал верующим филерам «отпущение грехов» по всем правилам.

Как известно, Бюро государственной безопасности было создано в 1969 году. Кроме «борьбы с терроризмом», под которой в ЮАР понимается преследование борцов за гражданские права, эта организация занимается шпионажем, саботажем и подрывной деятельностью по всему африканскому континенту, а также в Европе и Соединенных Штатах. Деятельность Бюро постоянно расширяется. Правительство почти вдвое увеличило средства на его содержание — до 7,1 миллиона рандов в год. Такие деньги нужно оправдывать, и Бюро оправдывает. Особенно активно оно делало это во время недавних студенческих волнений.

Поводом для выступлений,— продолжал Нхланхла,— стали события в Питерсбургском университете, точнее, речь студента Абрахама Тиро, который от имени студентов должен был произнести торжественную речь на выпускном вечере. Этот праздник всегда имел особое значение для студентов. Дело не только в том, что на церемонию выпуска приглашается, как правило, много родственников, а также правительственные чиновники. Но самое главное в том, что большинство учащихся — африканцы. Однако как раньше, так и теперь главное внимание на церемонии оказывалось белым гостям. Самые лучшие места в актовом зале доставались им. Черные были вынуждены довольствоваться задними рядами, проходами и соседними комнатами. Тиро даже не мог посадить своего отца.

Прозвенел колокольчик почетного председателя, и слово предоставляется Абрахаму Тиро. Однако вместо ожидаемого приветствия в зал понеслись гневные слова обвинения против расизма, существующего в южноафриканской системе просвещения.

— Почему,— спрашивал Тиро,— школьное образование в ЮАР обязательно для белых и необязательно для черных? Почему за обучение в средней школе платят только африканцы? Почему даже в этом университете, который на словах зовется «африканским», белые играют главную роль? В студенческом совете, например, они имеют решающий голос буквально во всех вопросах...

«Торжественная церемония» была тут же объявлена оконченной, а Тиро по распоряжению ректора Бошоффа исключался из университета. В ответ на это студенты решили устроить сидячую

РОДНИК

Начало см. на 2-й стр. обложки

Едва ли есть на карте мира такой район, который, подобно Кавказу, при относительно небольшой территории был бы населен таким числом народов! Римский историк Плиний писал, что для общения с кавказцами римлянам понадобилось сто тридцать переводчиков, а Ибн-Хаукаль, арабский летописец, насчитывал на Кавказе более трехсот пятидесяти языков и наречий.

Если враги свободы боялись единения народов, то прогрессивные деятели всегда мечтали о будущем братстве людей всех наций. Произведения писателей и просветителей Кавказа, фольклор — а народное творчество всегда отражает самые сокровенные чаяния своих создателей — пронизаны страстным стремлением к братству, дружбе.

В Чечено-Ингушетии есть старинные, выложенные из камней башни, стоящие на утесах. Им много веков. Одна из таких башен-крепостей принадлежала ингушу Овлуру — о нем упоминает русский эпос «Слово о полку Игореве». Это тот самый Овлур, который помог князю Игорю бежать из половецкого плена и сам бежал вместе с ним, не желая сражаться против русских...

Российская империя была тюрьмой для всех народов, ее населявших. Понадобились воистину исторические свершения Октября, чтоб был заложен фундамент великой и нерушимой дружбы народов.

Рабочие России всегда были выразителями самых существенных, самых основных интересов трудящихся любой национальности. Ведь рабочий класс борется за национальные и одновременно интернациональные интересы всех народов.

По числу рабочих город Грозный, теперешняя столица автономной республики, занимал

в предреволюционные годы одно из первых мест на Северном Кавказе. В Грозном был создан один из первых в стране Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. В октябре 1917 года многонациональный пролетариат Чечено-Ингушетии сразу же и бесповоротно встал на сторону революции. И в одном строю стойко бились с врагами революции русские, чеченцы, ингуши...

В нынешнем году, когда мы отмечаем 50-летие образования Союза ССР, у Чечено-Ингушетии двойной праздник — исполняется пять десятилетий ее автономии. Все, чего добилась республика за эти годы,— это достижения трудящихся ЧИАССР и в то же время результат содружества и сотрудничества всех советских народов. Победа в боях за Советы в Чечено-Ингушетии была завоевана в тесном взаимодействии частей многонациональной Красной Армии. Только союз трудящихся разных народов под руководством большевиков смог победить превосходящие силы контрреволюции и интервентов.

Братское единство — в республике живут люди 30 национальностей — помогло Чечено-Ингушетии, бесправной окраине царской России, стать равной среди равных в Союзе Советских Социалистических Республик.

В 1913 году в Чечено-Ингушетии имелось всего-навсего 19 врачей и 236 больничных коек. Сейчас медицинских учреждений в республике вдвое больше, чем больничных коек в 1913 году! Число врачей перевалило за две тысячи. Иначе говоря, на тысячу человек населения приходится два врача, а это значительно больше, чем в Англии, Франции, Швеции.

До революции все население Чечено-Ингушетии было неграмотным (в сельских местностях насчитывалось 9 грамотных на тысячу человек), работали только две школы. А в 1971 году распахнули двери четыреста пятьдесят общеобразовательных школ и девяносто школ рабочей и сельской молодежи. В республике сейчас 12 тысяч учителей и 300 тысяч учащихся. Фактически каждый третий житель Чечено-Ингушетии учится.

На территории автономной республики до революции насчитывалось всего-навсего несколько десятков дипломированных специалистов, а в 1971 году их было уже более 50 тысяч. Учебные и научно-исследовательские институты — все это создано за годы Советской власти. Причем следует отметить, что выпускники наших вузов пользуются доброй славой в стране.

До революции ни в чеченском, ни в ингушском языке даже не было такого слова — «промышленность». Сейчас в нашей республике создана современная машиностроительная, электроэнергетическая, приборостроительная, легкая индустрия.

И во всех этих трудовых подвигах большая доля наших братьев — весь Советский Союз помогал и помогает нам строить промышленность, добывать нефть.

Раздробленность земельных участков, почти полное отсутствие техники, отсталая агротехника не давали прежде возможности снимать богатые урожаи с чечено-ингушской земли. Только Октябрьская революция предоставила крестьянам возможности для плодотворного труда. Теперь посевные площади колхозов и совхозов занимают около полумиллиона гектаров, механизировано 95 процентов всех видов работ. Выросли национальные кадры механизаторов, агрономов, зоотехников, инженеров: в сельском хозяйстве республики ныне трудятся три с половиной тысячи человек с высшим и средним специальным образованием.

Первыми нашими механизаторами и агрономами были русские и украинские братья. Сейчас на полях работают тракторы, комбайны, автомашины, изготовленные на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Грузии, Мордовии и в других республиках. Братская дружба народов дает богатые плоды! А каков вклад нашей небольшой республики в общее дело построения коммунизма в стране? Сразу же после победы на Кавказе Советской власти молодое государство рабочих и крестьян стало получать грозненскую нефть.

Когда гитлеровцы начали войну с Советским Союзом, нефтяники Чечено-Ингушетии поклялись дать стране столько горючего, чтобы его хватило «для разгрома врага на земле, в воздухе, на воде и под водой». Ни на один день не прекращались работы на нефтяных промыслах, хотя гитлеровцам и удалось временно захватить часть республики.

В одной из фашистских инструкций было сказано: «... Когда Грозный, Малгобек и другие районы будут в наших руках, мы сможем захватить Баку и установить на Кавказе оккупационный режим, ввести в горы необходимые гарнизоны и, когда в горах наступит относительное спокойствие, всех горцев уничтожить. Горского населения в Чечено-Ингушетии не так уж много, и десяток зондеркоманд может за короткое время уничтожить все мужское население. Для этого в Чечено-Ингушетии много превосходных природных условий и нет надобности сооружать лагеря».

Вот что ждало чечено-ингушский народ в случае победы врага!

Свою Родину — Советский Союз — в едином строю защищали все народы-братья и среди них чеченцы и ингуши. Наша автономная республика по праву гордится своими мужественными сынами и дочерьми: пятьдесят один человек из них удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Окончилась война. Чечено-Ингушетия, как и вся страна, быстро залечила раны, нанесенные врагом.

Экономика ЧИАССР ныне носит ярко выраженный индустриальный характер. За годы всех пятилеток производство промышленной продукции у нас возросло в 25 раз, газа — в 36, нефти — более чем в 6, электроэнергии — в 86 раз. Республика стала одним из крупнейших центров нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности. Вновь вошли в ряд перспективных месторождений районы старых промыслов в Грозном. На глубине 5—6 тысяч метров здесь обнаружены богатейшие запасы нефти и газа. Уже начата их промышленная эксплуатация: 28 марта 1972 года с глубины 5 349 метров ударил мощный фонтан нефти из отложений мезозойского периода. Сейчас республика дает стране около 20 миллионов тонн нефти в год.

Сотни разных товаров широкого потребления с маркой нашей республики расходятся по всей стране. Но еще большее количество товаров мы получаем из всех уголков СССР. И мало что залеживается на складах: покупательная способность населения быстро растет. За последние двенадцать лет средняя месячная зарплата увеличилась почти на 66 процентов.

Немалый вклад внесли сыновья и дочери Чечено-Ингушетии в развитие литературы, искусства, спорта. На русском, чеченском и ингушском языках в республике издаются тысячи книг, выходят 38 газет. Хорошая слава идет о театрах, ансамблях, о писателях и поэтах республики. В десятках стран мира выступал наш знаменитый танцор Махмуд Эсамбаев, миллионы болельщиков рукоплескали нашей спортсменке — абсолютной чемпионке мира и Олимпийских игр Людмиле Турищевой.

Выступая на XXIV съезде КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «В истории нашего государства образование СССР по своей политической значимости и социально-экономическим последствиям занимает выдающееся место».

Чечено-Ингушская автономная республика горда и счастлива тем, что активно участвует вместе с другими народами нашей страны в великом строительстве здания коммунизма.

забастовку. Они пришли в конференц-зал, неся плакаты, на которых было написано: «Нам нужен Тиро, а не тирания!», «Свободу слова!», «Мы думаем так же, как и Тиро!» Они также направили ректору петицию, требуя восстановить их товарища в университете. Но администрация отвергла это требование и объявила, что все 1 146 студентов, принявших участие в забастовке, исключаются вместе с Тиро. Однако выступления учащихся продолжались и вскоре, к удивлению властей, перекинулись на англоязычные университеты. Пытаясь сбить волну студенческих выступлений, правительство решило призвать на помощь полицию и секретную службу. Требовался только предлог для расправы, и он вскоре нашелся.

2 июня в центре Кейптауна должен был состояться марш протеста. Демонстрация с самого начала была мирной. Но когда один из ораторов взял мегафон, чтобы обратиться к толпе, стоявшей на ступеньках собора св. Георга, на него неожиданно набросились полицейские. Через минуту церковная паперть превратилась в поле битвы. Полиция, поддерживаемая агентами государственной безопасности в штатском, открыла стрельбу. Студентов преследовали даже в соборе, где потасовка продолжалась до полной победы «блюстителей порядка». Даже церковные деятели ЮАР решительно протестовали против жестокой расправы. Однако 5 июня премьер-министр Форстер, выступая в парламенте, полностью оправдал действия полицейских.

— Лично я был бы разочарован, если бы они действовали иначе,— заявил он.

Несмотря на запугивания властей, бунт молодежи продолжался все лето. Организаторами выступлений стали все студенческие союзы, кроме САСО, которая вот уже несколько лет отражает взгляды правительства и давно уже превратилась в орудие «Бруденброта». Особенно активным был Национальный союз студентов (НСС), последовательно призывавший южноафриканских юношей и девушек отстаивать свои права.

«Сколько еще потребуется запретов, арестов и судебных процессов,— говорилось в одном из обращений НСС,— сколько дубинок, которыми вас бьют по спине, сколько бомб в ваших аудиториях, чтобы вы поняли, что мы встали на опасный путь?»

И молодежь ЮАР откликается на призыв продолжать борьбу. Доказательство этому — рост численности демократических организаций, в том числе Африканского национального конгресса (АНК), хотя с 1960 года он объявлен вне закона. За принадлежность к АНК власти могут приговорить к пятилетнему и даже более продолжительному тюремному заключению. Но мы,— говорил Джозеф,— продолжаем действовать из подполья: организуем забастовки и марши протеста против апартеида, распространяем листовки и прокламации, информируем людей обо всем, что творится в южноафриканских тюрьмах и концлагерях...

Наша цель,— сказал в заключение Нхланхла,— построить в ЮАР демократическое общество, где не было бы угнетения человека человеком. Большую помощь оказывает нам Коммунистическая партия ЮАР, которая также входит в АНК и является одним из его основателей. События последних лет все больше убеждают нас в том, что необходимо уничтожить систему, построенную на крови многих поколений африканцев. И мы не сложим оружия!

29 ноября — национальный праздник Социалистической Федеративной Республики Югославии — День республики

И ДЕНЬ НАСТАЛ

Белград встретил нас ярким утренним солнцем. На перроне суетились люди, их было много, однако мы без труда заметили своих друзей: профессора Белградского университета, доктора медицины Павле Трпинаца, его жену Милену и сына Душана. Не так давно они были нашими гостями в Москве, теперь мы их гости в Белграде.

Тепло сердец своих давних друзей мы ощутили с первой же минуты, и оно сопровождало нас все три недели нашего пребывания на югославской земле — в Белграде, Банате, на Адриатическом море,— везде, где нам посчастливилось побывать.

В первый же день Павле Трпинац повел нас в Дом культуры Советского Союза.

— Здесь советский посол вручил мне орден Отечественной войны! — сказал профессор Трпинац.

За какие заслуги Советское правительство удостоило югославского гражданина столь высокой награды?

...Будучи штурманом 805-го штурмового авиационного полка, 20 августа 1944 года я вела 16 штурмовиков «ИЛ-2» в сопровождении 10 истребителей прикрытия для удара по танкам.

Над Вислой нас встретил четырехслойный огонь зенитной артиллерии. Маневрируя, мы вышли из-под удара и всю мощь грозных штурмовиков обрушили на вражескую технику. На земле горели «тигры» и «пантеры», валялись опрокинутые взрывной волной «фердинанды». Бой был в разгаре, когда перед моим самолетом скрестились зловещие трассы зениток. Мой штурмовик, проглотив раскаленный металл, вспыхнул, пламя охватило всю кабину.

Анна Тимофеева и Павле Трпинац.

Очнулась я от страшной боли. Лесная поляна, передо мной гитлеровцы с автоматами... Полуживую меня доставили в Кюстринский лагерь. Похожий на кладбищенский склеп сырой бокс, у двери часовой.

Однажды кто-то из узников прислал мне свою пайку эрзацхлеба, а в ней записочку: «Держись, сестренка! Здесь есть русский доктор Синяков и югославский медик профессор Трпинац, они умеют воскрешать даже мертвых».

Сколько же усилий приложили эти двое, чтобы проникнуть к полуживой русской летчице и помочь чем только можно!

Жизнью своей я обязана этим благороднейшим, сильным духом людям. С риском для себя они спасли от неминуемой гибели тысячи советских, югославских, польских военнопленных. За подвиги, проявленные в неравной битве за жизнь в условиях лагерного подполья, профессор Павле Трпинац был награжден советским орденом Отечественной войны II степени.

...Вместе с семьей профессора Трпинаца мы побывали на Военном кладбище в Белграде. На мемориальной стене перечислено, какие соединения советских войск и югославских партизанских частей освободили Белград.

Мы не раз смотрели в глаза смерти, однако без волнения невозможно было читать на одном из надгробий: «МИШКА-ТАНКИСТ». В памяти возникает знакомый образ белокурого парнишки, каких не раз я встречала на дорогах войны. Велики потери сынов и дочерей Советского Союза. Здесь, на Военном кладбище, покоятся советские солдаты, отдавшие жизни в борьбе за освобождение Югославии.

Профессор Трпинац отвез нас в район Банат, к крестьянам Живо Лазину и Боже Попову из деревни Влайковац. С начала и до конца второй мировой войны профессор Трпинац, крестьяне Лазин и Попов находились в Кюстринском лагере, затем вместе вернулись в родные места. С той поры поддерживают приятельские отношения. Мы въехали в село Влайковац. Расписные ворота дома Живо Лазина были открыты. Хозяин, коренастый, лет шестидесяти мужчина, стоял «на часах».

— Вот встреча, вот встреча! — воскликнул Лазин и бросился целовать гостей.— Так вы, значит, прямо из самой Москвы в Банат? А сколько километров от Москвы до Влайковца? — И, услышав ответ, качает головой.

Лазин спрашивает, слушает, знакомит нас с членами своей семьи и приехавшими по такому случаю родственниками.

Сидя за накрытым столом гостеприимных хозяев, мы говорим о том, о чем душа болит,— чтобы дети и внуки наши не узнали черных дней войны, которые пережили мы сами.

Пришел сосед Лазина Боже Попов. Ему под восемьдесят, за его плечами две мировых войны.

— Здравствуйте, здравствуйте, милые наши гости. Вот и повстречались с тобой, дорогая летчица Анна! — И слезы покатились по его щекам.

Нам было о чем поговорить, было о чем поразмыслить, и потому наша беседа затянулась до вечерней зари.

Мы поднялись из-за стола и начали прощаться. Но тут, узнав, что мой муж Вячеслав Арсентьевич Тимофеев, коммунист с 1914 года, участвовал в освобождении Кюстринского лагеря и командовал 197-й штурмовой авиационной дивизией, Живо Лазин и Боже Попов снова вернули нас к столу...

И снова мы вспоминали те давние дни, которые каждый из нас будет хранить в памяти всегда. Да, народы наших стран издавна связаны прочными узами большой, теплой, искренней дружбы. Она закалялась в огне самоотверженной, героической борьбы наших армий, борьбы отважных сынов и дочерей Советского Союза и Югославии против фашистской агрессии. И нам радостно, что живут на земле Югославии близкие нам люди. Когда вспоминаешь о них, на душе становится тепло.

А. ТИМОФЕЕВА,
Герой Советского Союза

Транспортные магистрали Нового Белграда.

Фото ТАНЮГ — ТАСС, АПН.

М. Мамедов (Ашхабад). КРАСНЫЕ В КАРА-КУМАХ.

Б. Мирза-заде (Баку). НЕФТЯНИКИ КАСПИЯ.

ТОЧКА ОТСЧЕТА

Ванда БЕЛЕЦКАЯ,
специальный корреспондент «Огонька»

Прежде всего я хочу воспользоваться случаем и через журнал «Огонек» поздравить советский народ, моих коллег ученых с замечательным праздником трудящихся всего мира — приближающимся 50-летием со дня образования СССР — так начал нашу беседу президент Академии наук МНР академик Ширэндыб.

— Это не случайно, что именно 50 лет назад из моей Монголии отправились за знаниями в вашу страну первые посланцы. Они ехали в Коммунистический университет трудящихся Востока. А еще через два года, в год образования Монгольской Народной Республики, учиться в Ленинград поехало уже 18 человек. Это было началом, если можно так сказать, первыми семенами знаний, брошенными дружеской рукой в засушливую монгольскую землю. Ведь до революции Монголия была самой отсталой страной Азии. Развитие науки в нашей стране, те плоды, которые мы собираем теперь,— это урожай дружбы, взаимопомощи, доверия...

Наш разговор происходит накануне национального праздника: 26 ноября 1924 года была провозглашена Монгольская Народная Республика. В окна бьется не поосеннему яркое солнце, серебрится недавно выпавший снег в горах, обступивших Улан-Батор.

Еще вчера академик Ширэндыб был в Москве, пил чай в гостях у известного советского историка-востоковеда Б. Г. Гафурова, а позавчера беседовал с чешскими учеными в Праге. Монгольские исследователи связаны крепкими узами дружбы и совместной работы со своими коллегами в других странах. Да и сам Ширэндыб — действительный член Академии наук СССР, ученые мира знают его не только как большого специалиста по истории Монголии, но и как крупного общественного деятеля, члена Всемирного Совета Мира.

Я расспрашиваю ученого о достижениях монгольских исследователей, о том, по каким основным направлениям идет работа.

— В первом ряду, пожалуй, можно поставить биохимию и биологию,— говорит академик.— Практический выход этих исследований огромен: медицина, сельское хозяйство, ветеринария. Это работы по поиску новых лекарственных соединений, изыскание питательных кормов для сельскохозяйственных животных, борьба с насекомыми-вредителями и ликвидация бруцеллеза скота.

Интересны исследования по географии и геологии, составление карт природных ресурсов и размещения производительных сил страны,— продолжает рассказывать ученый.— С развитием геологии связано не только настоящее, но и будущее страны, рост ее промышленности, сельского хозяйства, экономики. У нас есть редкие цветные металлы: вольфрам, олово, молибден, медь, золото, а также фосфориты, каменный уголь...

В результате совместных работ с советскими геологами родились первые тектонические карты страны, карты прогноза на важнейшие редкие цветные металлы. Мы выявили наиболее перспективные участки поиска, нашли новые месторождения.

...Я слушаю ученого и думаю о том, как тесно связана биография президента одной из самых молодых академий наук стран социализма с биографией республики.

Он родился в горном аймаке, районе почти сплошной неграмотности. Его отец был одним из немногих, кто умел читать и писать. Семья занималась скотоводством, и будущий президент Академии наук с детства научился ловко держаться в седле, умел ставить юрту, знал и другие премудрости, необходимые аратускотоводу. Летом поднимался со скотом в горы, зимой спускался в долины. Семья была дружной, большой — 13 детей.

В 1932 году Ширэндыб едет в Советский Союз, в Улан-Удэ, на рабфак. Педагогический институт в Иркутске. Аспирантура. Защита в Москве кандидатской, а потом и докторской диссертации.

Педагогическая и научная деятельность на родине. Сначала в педучилище, потом в Высшей партшколе. С открытием университета в Улан-Баторе Ширэндыб становится его первым ректором и остается на этом высоком посту 10 лет. Создание в республике квалифицированных научных кадров в огромной степени плод его труда. И вполне естественно, что после организации Академии наук МНР ученые избирают его своим президентом.

— Сейчас в системе Академии наук МНР работает четыреста кандидатов и докторов наук,— говорит академик,— это уже выпускники не только советских вузов, но и нашего университета, новых институтов.

Я слышала об интересных трудах математиков, физиков, о космических исследованиях монгольских ученых. Спрашиваю об этих работах у академика.

— Это совсем новые для нашей страны исследования,— отвечает ученый.— Недавно закончена карта сейсмического районирования Улан-Батора. Увы, у нас землетрясения не редкость, и поэтому такая карта просто необходима строителям, гидротехникам, архитекторам. Успешно продолжаются теоретические исследования элементарных частиц материи.

Благодаря сотрудничеству с социалистическими странами, и в первую очередь с Советским Союзом, монгольские специалисты участвуют в изучении космического пространства. Мы ведем эти работы с помощью советских искусственных спутников Земли, запущенных по программе «Интеркосмос». В конце сентября проходила очередная Международная конференция по наблюдениям за искусственными спутниками Земли, на которой присутствовали и наши ученые.

Словом, в этом году мы завершили каркас здания наших научных исследований и заложили основу развития фундаментальных наук страны на ближайшие 15—20 лет.

— А какую научную работу последнего года вы считаете самой важной, самой интересной?

— Побывайте в лаборатории доктора Хайдава,— предложил президент.— Он работает над химико-биологическими свойствами лекарственных растений. Почему я считаю его работу лучшей? Потому что нет ничего важнее и гуманнее исследований, направленных на сохранение человеческих жизней.

...Институт биологии находится в новеньком, еще пахнущем краской здании на окраине Улан-Батора. Кругом идет строительство. Скоро тут вырастет целый академгородок, институты физики и химии, сюда же переберется президиум Академии наук.

— Доктор Хайдав в отпуске, отдыхает в санатории,— встретил меня ученый секретарь института Банзрагч, но, заметив мое огорчение, поспешил успокоить,— лаборатория его работает, я с удовольствием вас провожу.

Президент Академии наук МНР академик Ширэндыб.
Фото Д. Самдана.

Первое, что я увидела в лаборатории,— это пожелтевшие столбцы тибетских иероглифов. Над ними склонился смуглый мужчина в черном с оранжевым дели — красивой национальной монгольской одежде.

— Доктор Хайдав начал свои поиски с изучения древних тибетских книг, где содержались ценные сведения по народной восточной медицине,— пояснил мне Банзрагч и познакомил с научным сотрудником лаборатории Бавгаем.

Бавгай не биолог, а историк, философ и лингвист, увлеченный биологией. С 11 лет он изучал философию у главного настоятеля буддийского монастыря, готовился в ламы, а ушел в науку.

В лаборатории мне показали основного «именинника» — засушенный цветок. В этом растении скрыто ценнейшее лекарство. Оно помогает при пороке сердца, нарушениях кровообращения и отеках. Причем действие его в два раза эффективнее существующих сердечно-сосудистых средств.

Ученые назвали это растение адонис-монгольский.

Исследования продолжаются. Рядом с термостатами, центрифугами, точными приборами для химического и биологического анализа в лаборатории стоят мешки с собранными в экспедиции цветами. Еще недавно они росли в горах Хангая, а вот теперь перекочевали в лабораторию и ждут своей очереди, чтобы превратиться в ценное лекарство и облегчить страдания больных.

Древние тибетские книги, бесчисленные экспедиции, исследовательские лаборатории, клиника, фармацевтический завод и, наконец, аптеки и больницы — таким был долгий путь исследования доктора Хайдава.

Прежде считалось, что в Монголии нет растения, из которого можно получить подобное лекарство. Препарат покупали за границей. Исследования ученого доказали, что такое растение есть и запасы его настолько велики, что могут обеспечить не только потребности республики, но и стать предметом экспорта.

Эстафету у биохимиков приняли ботаники. Ведутся поиски новых районов распространения адониса-монгольского, опыты по созданию его культурных плантаций...

А с доктором Хайдавом мне все-таки удалось повидаться. Перед самым отъездом я разыскала его в одном из санаториев, вблизи Улан-Батора.

Хайдав — высокий, с легкой, подвижной фигурой и горным загаром альпиниста, решительный человек. Это внешнее сходство с альпинистом, вероятно, не случайно: кто подсчитает километры, которые ему пришлось исходить по горам?

Родился он на юге Монголии, в горном районе. Первые подъемы в горы совершил еще малышом с родителями-скотоводами. И потом, уже став ученым, не расстался с горами: ранней весной отправлялся в экспедиции на поиски целебных растений, поздней осенью спускался в долины, возвращался в город и принимался за лабораторные исследования. А на следующий год все повторялось сначала.

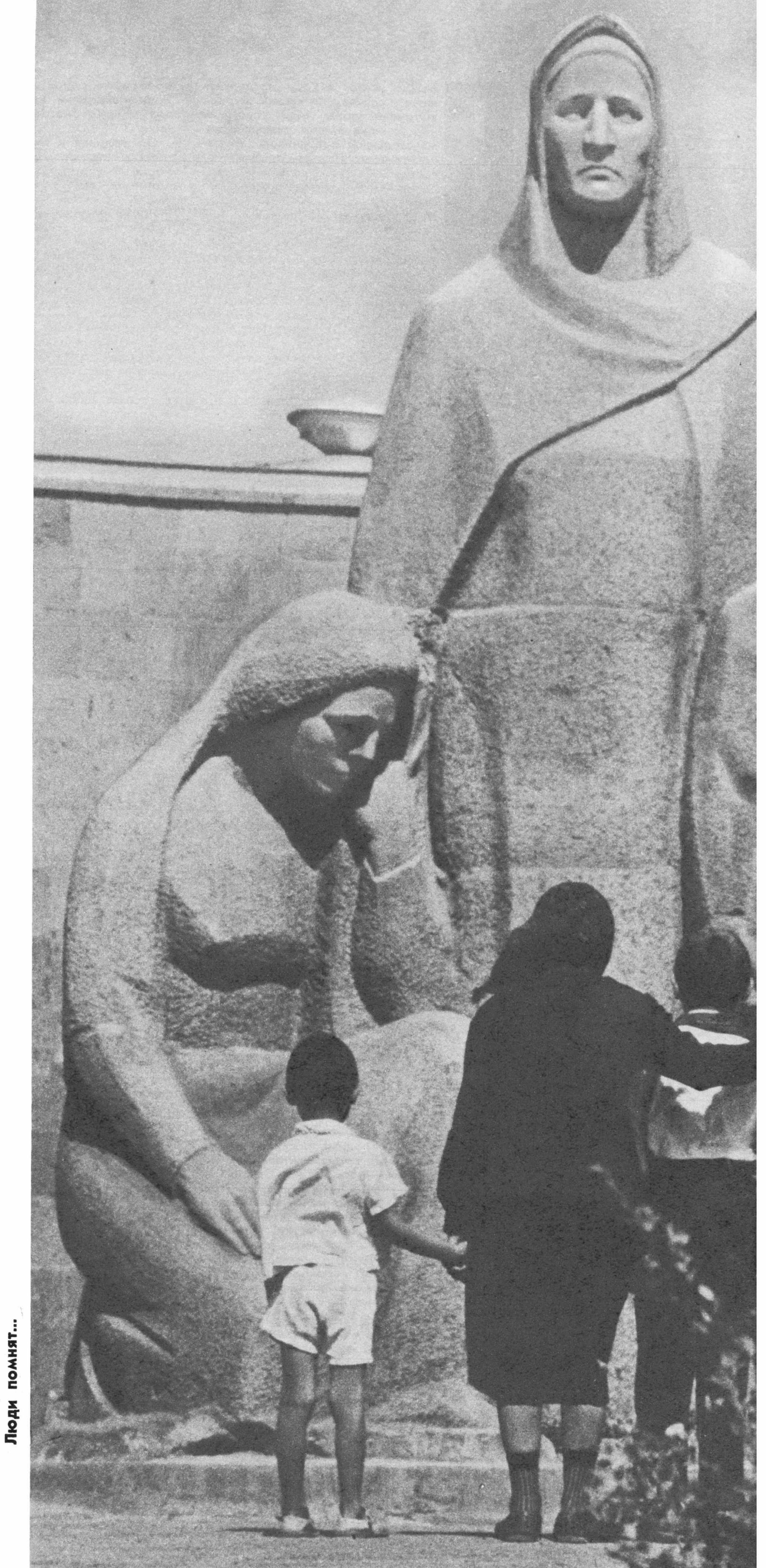
С юности увлекался восточной медициной. Самоучкой изучил древние тибетские иероглифы. Это увлечение не оставляло его и в годы учебы в Государственном университете Улан-Батора. Кандидатская и докторская диссертации, которые он защищал в Советском Союзе, тоже были связаны с восточной народной медициной.

— Кто мне помогал в моей работе? — говорит доктор Хайдав.— Прежде всего Всесоюзный институт лекарственных и ароматических растений в Советском Союзе — знаменитый ВИЛАР. Антонина Даниловна Турова руководила моими медицинскими и биологическими исследованиями, которые я провел в прекрасно оснащенных лабораториях ВИЛАРа.

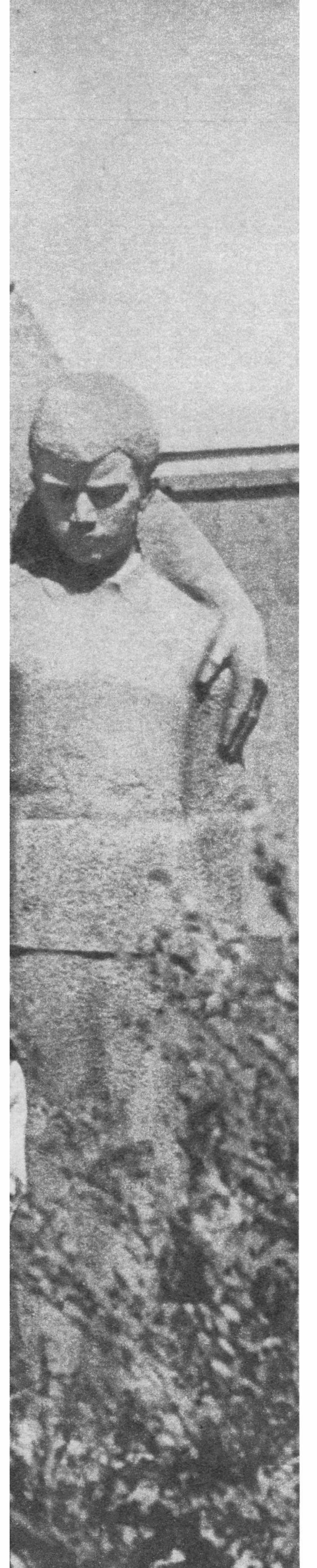
А химические исследования шли уже в Улан-Баторе под руководством специалиста из ГДР доктора К. Тиме. Он глубоко интересуется сердечно-сосудистыми средствами и приезжал к нам в институт.

...Вот над какими проблемами работают ученые Монгольской Народной Республики. Вот какие плоды дает сотрудничество ученых социалистических стран.

Улан-Батор — Москва.

Люди помнят...

СОЮЗУ ССР 50 ЛЕТ СОЮЗУ ССР

Михаил АНДРИАСОВ
Фото А. НАГРАЛЬЯНА.

ПОД НЕБОМ РОССИИ

Тихий Дон! Как дороги нам, жителям этого привольного степного края, его чарующие просторы. В который раз идешь по степи, напоенной сладким и горьковатым настоем чабреца и полыни, и всякий раз благоговейно склоняешь голову перед тем, что видела и знала эта земля. Одна из памятных страниц ее истории — переселение с Крымского полуострова в низовье Дона тысяч армян. То было во второй половине восемнадцатого столетия, когда казаки дружелюбно приняли сынов далекой Армении, по-братски поделились с ними своими землями. Спасаясь от чужеземного ига, пришельцы покинули свое родное армянское Анийское государство еще в одиннадцатом веке. Они исколесили многие страны, но те страны были для них мачехой, и казачий Дон принял обездоленных скитальцев, как своих детей.

Переселением крымских армян руководил тогда молодой генерал Александр Васильевич Суворов. Переход был трудным, он продолжался в течение двух лет. Много степных могил осталось на этом тернистом пути, прежде чем армяне добрались до живительной воды Дона... Суворов делил с переселенцами все выпавшие им тяготы. И в последующие годы, куда бы ни забрасывали Александра Васильевича его боевые походы, он всегда проявлял внимание к сынам Армении, заботился о них.

Армяне, пришедшие в донские степи, образовали здесь город Нахичевань-на-Дону и пять селений вокруг него. Здесь родился и вырос выдающийся просветитель армянского народа, революционер и писатель Микаэл Налбандян, автор пламенных стихов, разивших подлый строй самодержавия. Страстный поборник русско-армянской дружбы, глашатай братства всех трудовых людей, Микаэл Налбандян отдал всю свою короткую и яркую жизнь освобождению народов от ига поработителей. Незабываемы слова Михаила Александровича Шолохова, в которых он выразил братскую признательность пламенному певцу свободы: «Русский народ глубоко чтит имя Микаэла Налбандяна — выдающегося просветителя армянского народа, пламенного борца за счастье трудового народа, революционного демократа, единомышленника Белинского и Чернышевского, Герцена и Огарева.

Армянин по национальности, он был моим земляком, и я склоняю голову над прахом великого сына армянского народа и мысленно твержу его слова:

Свобода! — восклицаю я.
Пусть гром над головою грянет
Огня, железа не страшусь,
Пусть враг меня смертельно ранит,
Пусть казнью, виселицей пусть,
Столбом позорным кончу годы,
Не перестану петь, взывать
И повторять: «Свобода!»

На Дону родились выдающиеся армянские большевики: соратник и ученик В. И. Ленина, первый председатель Совнаркома Армении Александр Федорович Мясникян (Мясников), известный революционер Саркис Лукьянович Лукашин (Срабионян). Город Нахичевань-на-Дону — родина Мартироса Сергеевича Сарьяна. Родственными узами связана с этим городом и Мариэтта Сергеевна Шагинян. Из донской армянской колонии вышел видный советский архитектор, заслуженный деятель искусств Армении, один из известных строителей Еревана, Марк Владимирович Григорян.

В годы Великой Отечественной войны был членом военных советов нескольких фронтов известный политработник Советской Армии, уроженец Нахичевани, генерал-полковник Сергей Галаджев...

Потомки армян-переселенцев и ныне живут на тех землях, куда в 1779-м и 80-х годах пришли их предки. Армянские донские села и хутора входят в Мясниковский район, Ростовской области. Это один из передовых сельских районов Дона. Секретарь Мясниковского райкома партии Иван Стефанович Козьмин рассказывает:

— Нелегким оказался нынешний год для хлеборобов Дона. Принес он трудные испытания и нашему району. Нещадно палило солнце. Но люди работали днем и ночью, отстаивая взращенный хлеб. В прошлом году в среднем по району наши хлеборобы собрали с каждого гектара по 23,8 центнера пшеницы. В засушливом семьдесят втором — по 17,4 центнера. Но разве можно сравнить прошлогоднее урожайное лето с нынешним? Только мужество крестьян, любовь к хлебопашеству, высокая культура земледелия смогли преодолеть засуху. А что касается мяса и молока, то в этом трудном году мы продадим их государству на десять процентов больше, чем в семьдесят первом.

Живут наши люди хорошо, в достатке. Дома у всех просторные, кирпичные. Во многих домах паровое отопление. У нас частые гости — иностранцы. С интересом знакомятся они с нашими селами, хуторами, подолгу беседуют с колхозниками, внимательно разглядывают новые школы, детские ясли, сельские больницы, дома,

Рождается молодая семья. Маргарита Асланян — швея. Геворк Согомонян — шофер.

мало чем отличающиеся от городских. Был у нас тут курьезный случай. Американский турист очень удивился, когда узнал, что его собеседники — армяне. «Как,— переспросил он,— армяне на земле донских казаков?» «Что же тут удивительного,— ответили ему.— На Дону целый армянский район. Десятки тысяч жителей». Тогда американец помолчал и осторожно спросил: «Скажите, русские не обижают вас?» И долго он не мог понять, почему его вопрос вызвал взрыв смеха.

Иван Стефанович рассказывал о традиционной дружбе живущих в этом районе армян с русскими, украинцами, белорусами, с сынами других советских народов. Плечом к плечу трудятся награжденный орденом Октябрьской Революции Андраник Асвадурович Дзреев и известный на всю страну свинарь-механизатор, Герой Социалистического Труда, сын воронежской земли Григорий Павлович Плотников; Арпеник Сусеговна Ян-Чобанян и бригадир дойного гурта Федор Лукьянович Албул.

Из райкома партии мы поехали в село Крым. Оно названо так в память о Крымском полуострове, где несколько столетий жили предки переселенцев.

Тысячи жителей села Крым трудятся в колхозе имени Лукашина — крупном, многоотраслевом хозяйстве. Имя видного большевика Саркиса Лукьяновича Лукашина (Срабионяна) окружено глубоким почтением. Село Крым — родина Саркиса Лукьяновича, и земляки революционера заботливо берегут дом, в котором он родился, провел детские годы.

За последние десять лет в селе построено девятьсот новых домов. В колхозе свой кирпичный завод. Тут построена отличная средняя школа. Ей присвоено имя Саркиса Лукашина.

Забота о детях... Это одна из первых заповедей колхоза. Это чувствуешь и в пионерлагере — он на территории колхоза,— и на строительстве плавательного бассейна, и в поле, где в производственных бригадах трудятся старшеклассники. Мы видели их в пору жаркой страды. Красивые, крепкие... Глядя на одну из девушек, я невольно задумался, не такое ли прекрасное лицо когда-то вдохновило Антона Павловича Чехова написать рассказ «Красавицы», одна из которых была донской армянской девушкой?

Частицу своего сердца взрослые отдают детскому саду. Тридцать пять женщин — воспитательницы, повара, няни... Тридцать пять женщин и один мужчина — Асвадур Карпович Термалаян, ветеран войны, заведующий детским садом. Подопечные малыши заполнили всю его жизнь. Тридцать лет учительствовал в местной школе, а когда настала пора уходить на пенсию, понял, что без ребят — все равно что без света... Десять лет руководит Асвадур Карпович колхозным детским садом, занявшим второе место среди сельских детских садов Российской Федерации.

Председатель колхоза, агроном Геворг Срабионян и секретарь парткома Сейран Додохян умело руководят хозяйством. Даже в минувшее трудное лето мы видели в полевых бригадах тучные хлебные курганы. Запомнились богатые животноводческие фермы. Лучшие животноводы добивались среднесуточного привеса в один килограмм.

Неоценимый вклад вносят в хозяйство золотые, искусные руки женщин. Это они обеспечивают соседний большой город Ростов молоком. За годы восьмой пятилетки колхоз отправил жителям донской столицы девятнадцать тысяч тонн молока. Государству продаются тысячи уток, кур, миллионы яиц...

В хозяйстве шестьдесят тракторов, двадцать комбайнов, пятьдесят автомашин. Среднегодовой денежный доход составляет почти три миллиона рублей. Среднемесячная заработная плата колхозника — сто тридцать пять рублей.

Известно, что успех дела решают люди. В колхозе имени Лукашина это Микаэл Батыгян, руководитель комплексной бригады № 1. Бригаде присвоено почетное звание коллектива высокой культуры земледелия. Партгрупорг этой бригады, член райкома партии, тракторист Володя Карпоян

награжден орденом Трудового Красного Знамени. Механик Карпел Карпоян — орденом Октябрьской Революции.

Дружно тут живут и трудятся армяне, русские, украинцы, люди других национальностей. Русский тракторист Иван Андреевич Кравцов женат на армянке, учительнице Елизавете Яковлевне. Скотник Хачатур Дзарукович Агаглуян женат на русской доярке Вере Григорьевне. Здесь русские владеют и армянским языком. В школе услышишь армянские песни, исполняемые русскими ребятами, а русскую песню поют армянские девушки...

Колхозники села Крым в давней дружбе с колхозниками Ахурянского района Армении. Часто навещают друг друга, делятся опытом.

В конце лета в селе начались свадьбы. Мы побывали на одной из них. Невеста — двадцатилетняя комсомолка, работница швейной мастерской Маргарита Асланян. Жених недавно пришел из армии, комсомолец, шофер колхоза Геворг Согомонян. Молодые сидели под нарядным, ярким ковром. На нем, в центре, портрет сержанта. Это Мартирос Асланян, отец невесты. Он умер в 1959 году. Ему было семнадцать лет, когда он добровольцем пошел на фронт. «У него прирожденный талант разведчика»,— говорили о Мартиросе командиры. Ему доверялись самые трудные задания. Жизнь сержанта оборвалась уже после войны — сказались тяжелые ранения...

По традиции свадьба движется через все село. Гремит музыка — зурны и барабан. Звучат армянские и русские песни. А впереди, как и в старину, идут празднично одетые дети. Товарищи жениха высоко подбрасывают большие, в красных наволочках, пуховые подушки...

Свадебная процессия приближается к сельскому мемориалу. Утихла музыка, не слышно песен. В скорбной тишине возлагают здесь молодожены цветы.

...Я смотрю на них и вспоминаю день открытия мемориала. Большая сельская площадь была забита народом, со всех окрестных сел пришли сюда люди. Матери, отцы, жены, братья, сестры, дети, внуки павших... На священную войну против фашистов из села Крым ушли 610 мужчин, а 324 — не вернулись домой. Четыре брата Млтыхяны: Хачехпар, Арташес, Сетрак, Егия; три брата Симавоняны — Месроп, Тигран, Ованес; три брата Карпояны — Саркис, Аркадий, Хачик; три брата Чоряны — Торос, Арам, Хачатур; три брата Ходжабияны — Минас, Геворг, Микаэл; два брата Термалаяны — Хачатур, Амбарцум...

Жители села воздвигли своим павшим землякам памятный мемориал. В пантеоне — он из розового туфа — собраны портреты всех трехсот двадцати четырех воинов, павших на поле битвы с гитлеровцами. Перед пантеоном — высокая скульптура из базальта: в вечном ожидании застыла фигура матери, а рядом, припав к ее руке, горестно склонила голову жена солдата. И, как надежда матерей, вся устремленная в будущее фигура солдатского сына...

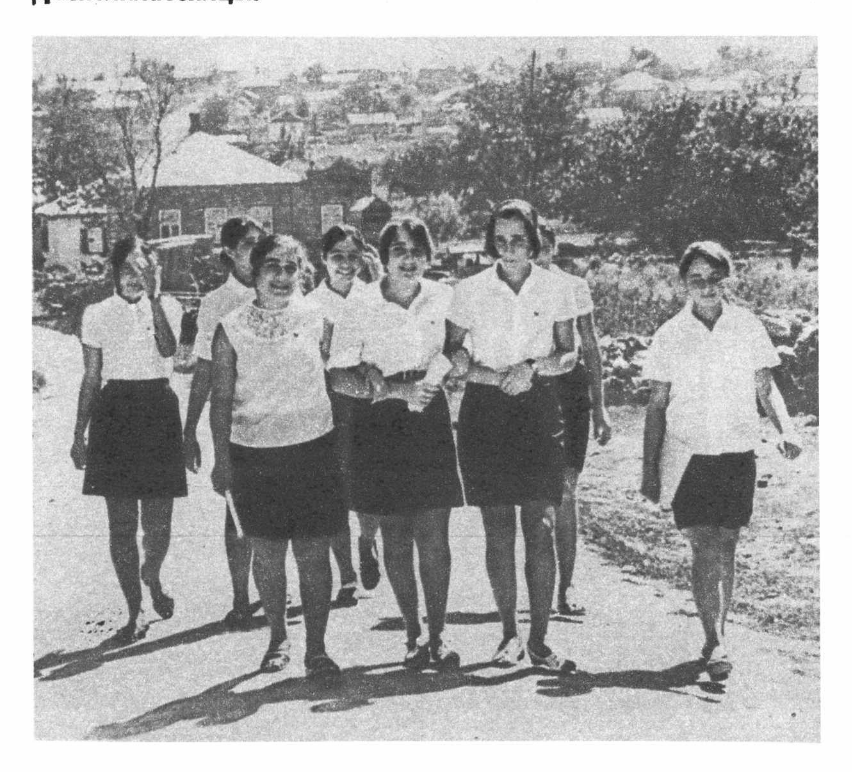
Авторы мемориала — уроженец этого села скульптор А. Джелаухян и ростовские архитекторы Г. Голяпин и Л. Кузнецов.

В мемориале символически погребены триста двадцать четыре воина. Триста двадцать три армянина и один русский — Захар Федорович Савков. До войны его семья была единственной русской семьей в этом армянском селе. Отсюда Захар и ушел на войну, ушел вместе с односельчанами, в одном строю советских патриотов, для которых существует только одна Родина — СССР.

* * *

Веками скитались по белому свету сыны разгромленного врагами Анийского государства. И многие из них нашли свою вторую родину на донской земле, они обрели счастье в дружбе с русскими братьями, под небом России.

Десятиклассницы.

ПРЕСТУПНИКОВ НАХОДЯТ...

В библиотеках такие книги бывают зачитаны, что называется, до дыр. Они не требуют никакой дополнительной рекомендации — за ними устанавливается очередь. Острота сюжета, будучи непременным свойством повествования, по внешнему виду, о происшествии, как бы сама по себе держит внимание читателя в неослабевающем напряжении...

Новую книгу Н. Сизова «Невыдуманные рассказы» будут читать с жадностью. Читательский интерес со всей очевидностью ждет эту книгу и в библиотеках... Однако же неверно было бы связывать высокую «читабельность» рассказов о раскрытых МУРом тайнах преступного мира с одной лишь загадочностью и сложностью разгадок.

За внешней стороной преступления автор ищет — и всегда находит — объяснение внутреннее. Он устанавливает жизненную, причинно-следственную связь не только между преступлением и раскрытием преступления, но еще и между нарушением нравственной нормы, каким является всякое вообще преступление, и тем первым шагом к преступлению, который был когда-то сделан человеком, теперь уже ставшим преступником.

Эти связи становятся предметом серьезного, по существу, творческого исследования, которое ведет автор книги. Его пристальный взгляд устремлен в корень вещей, и он — вместе с муровцами — идет по следам преступления не «натпинкертоновскими», а совсем иными путями, никого не копируя и никому не подражая... Метод оказывается верным, потому что он социален.

Люди, ведущие следствие, выражают главные нравственные, глубоко человечные тенденции нашего общественного порядка и всего общественного строя.

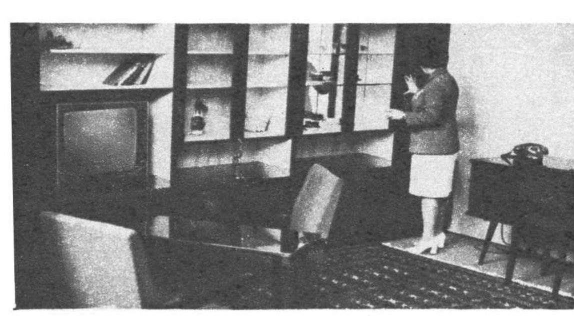
Нет нужды пересказывать — даже вкратце — содержание книги Н. Сизова. Нельзя нарушать интерес читателя, который всегда хочет сам узнать, «что будет дальше». С этой точки зрения тут все построено, как я уже говорила, будто бы в полном согласии с требованиями жанра. И вместе с тем это детектив, но и не детектив!.. Работа, проделанная Н. Сизовым, значительна и весома. Страница за страницей он показывает нам в своей книге, как действует — благородно и безотказно — тончайший механизм советского уголовного розыска...

Ясную мораль, заложенную в основу следствия, писатель никогда не сводит к нравоучению, хотя в каждом из его «невыдуманных» рассказов отчетливо и умно звучит нотка своеобразного предостережения... Не преступнику, нет... Но тому, кто вдруг вздумает в какую-то недобрую, трагическую минуту своей жизни уйти из открытого мира людей...

Преступника найдут.

Н. ПАВЛОВА

Николай Сизов. Невыдуманные рассказы. «Московский рабочий», 1972.

ПРИМОРСКИЙ СПУТНИК

В павильоне лесной и деревообрабатывающей промышленности Приморской ВДНХ, открывшейся во Владивостоке в честь 50-летия образования СССР и освобождения Дальнего Востока от интервентов и белогвардейцев, стоит экспонат, у которого подолгу задерживаются посетители. Это набор мебели «Спутник», созданный московскими проектировщиками и владивостокскими мебельщиками. Набор отвечает современным требованиям, выполнен в оригинальном декоративном оформлении.

Сегодня каждая наша семья способна купить хорошую мебель. То, что когда-то казалось роскошью, стало жизненной необходимостью. В этом я убедился, читая книгу отзывов. Почти в каждой записи встречаются слова «больше», «скорее», «ждем», «желаем приобрести».

Начальник объединения «Приморскглес» Петр Яковлевич Митченко рассказал о производстве мебели, которой отводится значительное место в лесной и деревообрабатывающей промышленности края. Только за последние годы выпуск мебели увеличился в четыре раза. В этой пятилетке в Приморском крае намечено построить мощный мебельный комбинат. Сегодня мебельные предприятия Приморья изготовляют гарнитуры, которые ничуть не уступают знаменитой рижской мебели. Подтверждение тому — набор «Спутник», который вы видите на нашем снимке.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»
Фото автора.

ОГОНЁК НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Продолжение.
Начало см. в № 47.

Ю. ЛУШИН,

фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

ВСТРЕ

ПРОФЕССОР

В Хабаровске еду на «Дальдизель». Есть в этом большом городе другие, может быть, не менее крупные заводы, «Энергомаш», «Амуркабель», например, но ни у одного из них нет столь славной истории. «Дальдизель»... Спросите любого хабаровского жителя, и каждый что-нибудь да рас-

Шагают амурские мостостроители.

ЧЬ СОЛНЦА...

скажет вам о нем. Обязательно. Я провел небольшой эксперимент. На площади Ленина, главной площади города, я задавал встречным прохожим единственный и, боюсь, не слишком оригинальный вопрос:

— Известен ли вам завод «Дальдизель»!

Из многих ответов я выбрал такие:

— Там двигатели, знаете, какие делают — по триста лошадиных сил! Брат у меня, Саша, в Николаевском на катере механиком ходит, как раз на этот завод приезжал дизель новый получать,— сказал молодой паренек Володя Чугунов.

В раскрытом вороте его рубашки красовался треугольник тельняшки, и это позволяло предположить, что и младший Чугунов в недалеком будущем пойдет по стопам брата.

— Как не знать! — неторопливо ответил пенсионер Никита Семенович Зубарев.— Это же самый старый завод в Хабаровске. Никаких других еще не было, а он был. Он еще до революции существовал, только назывался иначе.

— Я думаю, что он многим известен, да и врагам нашим памятен. В Отечественную войну минометы выпускал, а мы из тех минометов гостинцы горяченькие фашистам слали,— рассмеялся военный с погонами подполковника.

— Я просто должна знать о нем: профессия, понимаете ли, обязывает. Я историк, учитель истории,— объяснила Ольга Андреевна Силина.— «Дальдизель»— старейшина заводов на всем Дальнем Востоке. Его рабочие первыми в городе приветствовали Советскую власть, там же возникла первая комсомольская ячейка, оттуда уходил легендарный отряд Бойко-Павлова штурмовать Волочаевку. Что вы! Это такой знаменитый завод!

— Тридцать лет работаю на нем,— ответил высокий приветливый человек. Я принял его по меньшей мере за профессора: строгий костюм, галстук, седеющая голова, очки в тонкой золотой оправе.— Приезжайте к нам, покажу завод, моя смена с утра. Приедете, спросите Панасенко.

— Извини, дорогой, спешу. А ты садись на трамвай вот на той улице, он как раз к «Дальдизелю» идет,— посоветовал стремительный молодой человек.

На «Дальдизеле», когда я назвал фамилию Панасенко, на меня посмотрели как-то не то чтобы странно, но с большим любопытством, а почему, я узнал несколько позже.

— А как же того Панасенко зовут, не знаете?

— Не знаю, он очень торопился, я спросить не успел.

— Жаль, трудновато нам придется, но ничего, найдем вашего Панасенко, найдем.

Мы прошли через проходную и оказались на территории завода. Не могу сказать, чтобы это было нечто особенное — просто чистая мостовая, аллеи в тенистых деревьях, которые чуть ли не закрывали заводские корпуса. Мои провожатые поспорили немножко, куда направиться сначала: в восьмой цех или в девятый — и нырнули в одну из аллеек.

— Видите старую водокачку? Вот все, что осталось от дореволюционного завода, да еще эта кирпичная стена, мы к ней литейный цех пристроили.

— К старой пуговице новый пиджак пришили,— добавил второй.

Минуем литейный и заходим в следующий цех. Солнце в проемах широких окон, ровные ряды современных станков, за станками люди, все больше молодые. «Профессора» моего нигде не видно, и вдруг:

— Знакомьтесь, слесарь Анатолий Панасенко.

С первого взгляда ясно, что он не проработал здесь трех десятков лет, ему самому-то едва ли тридцать. Не тот! Спутники мои понимающе переглядываются, ведут меня дальше — и снова:

— Знакомьтесь, мастер участка Филимон Евстафьевич Панасенко.

Этот гораздо старше, но не так высок, скорее роста среднего, крепко скроен, плечист, руки тяжелые, очень, вероятно, сильные, но... опять не мой знакомый.

— Может быть, в седьмом цехе,— снова советуются провожатые.

Они отнюдь не смущены таким оборотом дела, их самих начинает все больше интересовать эта история. Меня тоже. В инструментальной седьмого цеха знакомимся с бригадиром Александром Панасенко, тихим и застенчивым. Снова осечка. Идем в следующий цех, по пути разглядываю готовые к отправке дизели, интересуюсь:

— Сколько же у вас этих однофамильцев Панасенко?

— А они не однофамильцы вовсе, они родственники, целая рабочая династия Панасенко, больше двадцати человек. У нас вообще много династий на заводе — Карповы, Терешкевичи, Куликовы, Ахлюстины, Березины.

— Вот так раз! — удивляюсь я. Теперь все понятно. Начинаю описывать своего Панасенко со всеми возможными подробностями, какие запомнил.

— Давно бы так,— отвечают в один голос,— это же наш профессор! Герой Социалистического Труда...

— Профессор? Вот это да! Значит, интуиция меня не подвела.

— Да нет же! Профессором мы его так, между собой зовем. Просто он слесарь-лекальщик высочайшего класса. Сейчас сами увидите.

Лекальщики — люди вежливые, спокойные, уравновешенные, с тихим презрением относящиеся к грубым инструментам — зубилу и кувалде, гордые своим умением ловить микроны и изготавливать сложные шаблоны, калибры, тонкие измерительные инструменты.

Как же Панасенко стал «профессором»? Он не феномен, просто его дело было всегда для него и судьбой, и счастьем, и содержанием жизни, и он всегда добивался немного большего, чем другие, всегда шел на шаг впереди. А то, знаете, как бывает? Трудится себе человек да трудится потихоньку и пять лет, и десять, и пятнадцать, но как-то так работает, что дело для него только от девяти до семнадцати, а после семнадцати он себя выключает, и до лампочки ему, какую деталь завтра гнать придется, какими заботами цех живет, что сам он для цеха значит. Такие достигают какого-то среднего уровня и остаются на нем долгие годы, может, всю жизнь. Большего им не требуется.

— Не клеится иногда что-нибудь, и все тут, хоть ты лопни,— говорил Панасенко.— Можно, наверное, отступиться. А потом подумаешь — ведь тебя же десятки людей ждут, верят тебе, надеются. Зло разберет тогда. Неужели несчастная железяка сильнее тебя? Ну, нет, шалишь. Домой идешь — думаешь о том, обедаешь и спать ложишься — опять думаешь. В конце концов своего добьешься. И так радостна победа...

Однажды на завод поступило срочное правительственное задание. Война была уже в самом разгаре, фашисты рвались к Москве. Страна напрягала все силы в борьбе с врагом, и Петр Панасенко решил, что в дни испытаний он тоже обязан быть на переднем крае этой борьбы. Вступил в партию. Война поделила рабочие сутки надвое — первая смена двенадцать часов, столько же вторая. Но Панасенко этого казалось мало. Его бригада решила работать по полторы смены и объявила себя фронтовой. Многие на заводе последовали их примеру... Как раз в тот момент и поступил срочный заказ. Впрочем, несрочных тогда вообще не существовало, но этот был из спешных спешным. Предстояло изготовить специальную головку для нарезки канала ствола новой пушки, которую очень ждали на фронте. Работа чрезвычайно сложная и ответственная, но и справился с ней Панасенко как будто хорошо — самому понравилось. Заточил резцы, пустил станок... Что за чертовщина — стружка идет рваная, значит, и нарезка в канале такая же. Испортил ствол. Остановил станок, еще раз проверил головку, все вроде нормально, включил — опять стружка рваная. Перебрал головку, изменил угол резания — та же картина. Еще раз перебрал, снова заточил резцы — не резцы, а бритвы. Все без изменений — стружка рваная...

— Эх ты, горе-генерал,— в сердцах обругал он сам себя, вспомнив недавний визит на завод командующего войсками Дальневосточного фронта генерала армии Апанасенко. Тот зашел на лекальный участок, поздоровался, спросил:

— Как фамилия?

— Панасенко.

— Смотри-ка, мы чуть не однофамильцы...

— Чуть, да не генерал,— нашелся Петр.

— Ну не скажи,— рассмеялся командующий,— мне как раз говорили, что ты генерал среди лекальщиков. Действуй и дальше в том же духе. Скоро работка подвалит вам особая, «генеральская», не подкачай...

И вот та работка на мертвой точке застряла, стоит, а он, горе-генерал, сделать ничего не в силах. Вокруг станка собрались уже все — директор завода, главный инженер, конструкторы, друзья-лекальщики. Никто не мог понять, где же ошибка. Панасенко снова, в который раз, внимательно осматривал нарезку. Ему показалось, что один из резцов явно лучше других справился со своей задачей, оставляя после себя след без грубых задиров и шероховатостей. Но какой же из трех? Ага, видимо, этот. И тут он едва не вскрикнул от удивления. Этот, третий, оказался тупее других...

— Неужели все так просто? — осенила его догадка.

Но он еще не верил сам себе, хотел и боялся этой проверки, этого экзамена. Вдруг опять не получится? Он снова тщательно осмотрел нарезательную головку, незаметно для других, словно невзначай решительно притупил все резцы, включил станок и... случилось чудо, стружка пошла гладкая, блестящая, чистая. У Панасенко с души будто камень свалился...

Петр Евстафьевич вспоминал то время, ставшее для нас уже далеким прошлым, и я чувствовал, как оно дорого ему и теперь.

— Знаете, Петр Евстафьевич, что вас прозвали профессором? — сказал я, думая польстить его самолюбию.

— Преувеличивают,— нисколько не рисуясь, ответил он.— У нас много отличных лекальщиков, молодежь талантливая и знающая на завод приходит...

Потом он показывал мне завод. В этот день отгружали дизели на экспорт. Кажется, на Кубу. В них незримо жила и частица его труда.

ЕГО «СПАСАТЬ» НЕ НАДО

«Как-то один американский еврей спросил меня:

— Скажите, в каком состоянии находится в вашей стране еврейский вопрос?

Я ответил, что в нашей стране еврейского вопроса не существует.

Мой собеседник приехал из маленького еврейского местечка на Волыни прямо в Нью-Йорк лет тридцать назад, чтобы сделаться миллионером. Сделался он парикмахером, зарабатывал очень мало, и с каждой новой морщиной, ложившейся на желтоватое лицо, укреплялось его скептическое отношение к жизни. К пятидесяти пяти годам это был вполне законченный мудрец — горькая смесь Менделя Маранца с царем Соломоном.

— Раз существует государство, значит, существует еврейский вопрос,— сказал он, размахивая бритвой возле самого моего носа.— Не может быть такого государства, где бы не было еврейского вопроса.

— Однако у нас еврейского вопроса нет.

Неудавшийся миллионер положил бритву, отошел от меня на шаг, надел большое пенсне, откинул голову и, прищурив один глаз, проникновенно спросил:

— А Биробиджан?

— Что Биробиджан?

— Я вас спрашиваю: а Биробиджан?

— Я не понимаю вас.

— Очень просто. Если бы не было еврейского вопроса, не было бы никакого Биробиджана, как и не было бы никакой Палестины.

Старый парикмахер, который всю свою жизнь верил только в доллар и в конце концов убедился, что вера эта была построена на песке, вообще перестал верить во что бы то ни было.

Я долго втолковывал ему азбучные истины об устройстве Советского государства, о нашей национальной политике, об отличии Биробиджана от Палестины.

— Конечно, дай бог,— сказал он после долгого раздумья,— дай бог, чтобы не было на свете никакого еврейского вопроса».

Так писал Евгений Петров в 1938 году в очерках «Путешествие на Дальний Восток», опубликованных в журнале «Огонек». Но и сейчас оголтелые деятели из пресловутой «Лиги защиты евреев» никак не могут понять ту же азбучную истину, что любой народ в нашей стране, даже самый маленький, имеет равные права среди всех других народов Советского Союза, что не может быть у нас никакого еврейского, армянского, казахского и т. д. вопроса...

Сижу в биробиджанском кинотеатре. На экране — арабские беженцы, воинствующий захватчик Израиль, взрывы бомб, руины,

●

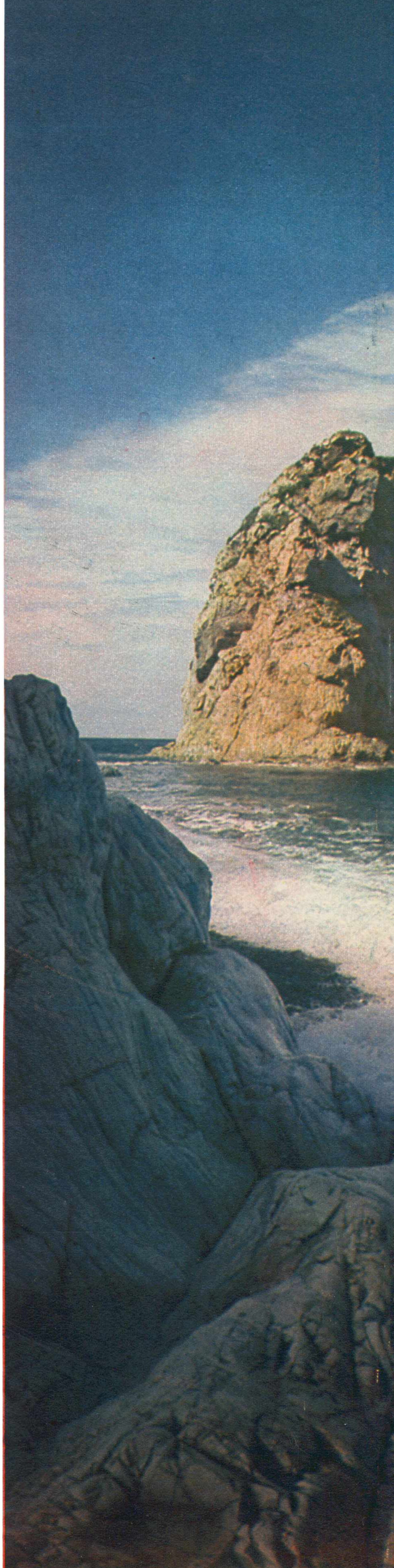
Надежда Сергеевна Игнатенко возглавляет бригаду овощеводов колхоза «Заветы Ильича».

На пароме через Амур.

На развороте вкладки:

Главная примета Приамурья — масштабность.

СССР
ДВ
534
ХАБАРОВСК-СОВЕТСКАЯ ГАВАНЬ-МОСКВА

кровь, пепел и трупы арабских детей, митинги протеста в разных странах и городах.

В зале грозная тишина. В Биробиджане тоже идут митинги протеста. Клеймят позором политику Тель-Авива...

Смотрю во Дворце культуры выступление еврейского народного театра. В труппе слесарь «Дальсельхозмаша», журналист, работница детсада, бухгалтер, парикмахер... Я не знаю еврейского языка, но вижу, с каким воодушевлением и удовольствием, именно с удовольствием играют актеры. Хорошо, честное слово, хорошо. И потом я ведь читал пьесу Шолом-Алейхема «Люди». Теперь узнаю его персонажей на сцене — знаменитый смех сквозь слезы Шолом-Алейхема.

Читаю в местной газете стихи рабочего обувной фабрики Л. Школьника:

Меня «спасать» не надо,
господа,
Нам с вами, я скажу,
не по дороге,
Вам не помогут никакие боги,
Когда черны и мысли и душа.

На переговорном жду связи с Москвой.

— Вологда, вторая кабина...

Срывается с места молоденький солдат-пограничник, и все мы волей-неволей слышим его разговор:

— Ты только не волнуйся, Тася, на границе все спокойно. Скоро приеду, да-да, не волнуйся. Жди меня, жди...

Разговариваю с председателем колхоза «Заветы Ильича» Владимиром Израйлевичем Пеллером, полным кавалером ордена Славы, Героем Социалистического Труда, членом Центральной ревизионной комиссии КПСС. Давний мой знакомый, он все же всякий раз поражает меня. Живет в нем постоянная неудовлетворенность сделанным, хотя жизнь не баловала его торными дорогами. Одна война чего стоила. В тяжелые военные будни фронтовые дороги вели его через горящие хлебные поля, и сердце крестьянина сжималось от гнева. Он знал, что непременно должен остаться в живых, пройти сквозь все испытания, чтобы снова пахать, сеять, собирать урожай. А испытаний — ого как хватало! Хватило бы, наверное, на пятерых! Под Сталинградом разведчик Пеллер заслужил первый орден Славы, но в бою у Тракторного завода осколками снаряда ему изрешетило обе ноги. На рассвете санитарный самолет взял курс на Башкирию, но едва успел взлететь, как в небе появились «мессеры» с черными крестами. В следующую минуту санитарный самолет уже горел, и раненых выбрасывали в люк, предупреждая, чтобы они не сразу дергали кольцо парашюта. Пеллеру достался последний парашют, санитары остались в горящем самолете...

Он поклялся отомстить за них, вылечился и снова вернулся в разведку. На Курской дуге его наградили вторым орденом Славы. Опять он был на грани смерти, но его вынес с нейтральной полосы русский солдат Федор Иванов. Врачи удивлялись его железному здоровью, а он знал только одно: ему нужно жить, чтобы вернуться к своим полям. Выжил. Под Клайпедой командир разведки Пеллер со своей ротой трое суток удерживал важный плацдарм. Их уцелело тогда всего двенадцать человек. Там он стал полным кавалером ордена Славы. Потом в Польше он, еврей по национальности, освобождал людей из гитлеровских концентрационных лагерей смерти, затем — немецкий народ от фашизма... После победы поднимал подорванное войной хозяйство. Добился того, что колхоз стал получать миллионные доходы, стал лучшим в области, и... все-таки опять не удовлетворен.

— Каждый человек, живущий на земле, должен что-то строить. В этом его назначение. «Заветы Ильича» сейчас строят на миллион триста тысяч рублей — дома, хозяйственные помещения, детский сад, еще один. К будущему году хочу сделать новый коровник, чтобы за четырьмя сотнями коров ухаживали лишь четыре человека, чтобы силос — автоматически, уборка навоза — автоматически, молоко — тоже автоматически. Чтобы мужчины — а здесь придется преодолевать психологический барьер — работали дояррами, именно мужчины — это тяжелый труд,— делился планами Пеллер.— Вот добьюсь этого, тогда и на пенсию можно уходить...

Насколько мне известно, Пеллер «уходит» на пенсию вот уже лет пять.

Вспоминаю разговор с секретарем обкома партии Ю. Г. Кассовичем.

— Еврейская автономная область хотя и занимает небольшую часть Хабаровского края, но тем не менее дает почти половину всей его сельскохозяйственной продукции. В последнее же время она превращается в центр легкой индустрии. Уже действуют на полную мощность крупнейшие на Дальнем Востоке чулочно-носочная, текстильно-швейная и обувная фабрики. Продукция их становится известной даже за Уралом...

Шагаю по улице Шолом-Алейхема. Новостройка за новостройкой. Как же быстро вырастают наши города! Не был здесь каких-то три года, а новые дома подступили уже к самому-самому «Дальсельхозмашу», бывшей окраине города. «Дальсельхозмаш», между прочим, единственный в нашей стране поставщик гусеничных комбайнов высокой проходимости для переувлажненных районов. Я встречал их в Амурской области, в Приморье, на казахстанских рисовых полях, в Тюмени... На международном рынке они успешно выдерживают конкуренцию с лучшими образцами зарубежных фирм. На заводе я услышал такую историю.

Деловой человек из Ирака рисковать не хотел. Конечно, он слышал о превосходных качествах советских комбайнов. Но, с другой стороны, представители итальянской фирмы «Лаверда» настойчиво утверждали, что их машинам в мире равных нет.

Покупатель решил приобрести для начала по одному комбайну и у русских и у итальянцев. «Пусть специалисты той и другой страны покажут, на что способны их машины».

С рисовых полей слили воду, но через день в местечке Халас, где должны были держать экзамен комбайны, прошли дожди. Таких условий ни одна машина не выдержит, подумали иракские специалисты и решили перенести испытания. Как же они удивились, когда русский инженер Семенов попросил их не спешить с отменой! Невозмутимо завел Семенов свой СКГ-4 и повел на поле. Представители министерства аграрной реформы Иракской республики наблюдали за работой биробиджанского вездехода, ожидая, что тот вот-вот застрянет. Но тот шел себе да шел, не оставляя за собой ни единого колоска. Семенов не слез с машины, пока не убрал весь рис на участке. Ему устроили овацию. Итальянский же комбайн стоял еще долго, несколько дней, все ждал подходящих условий. Вскоре «Дальсельхозмаш» получил официальный заказ из Ирака на пятьдесят комбайнов, потом еще на пятьдесят...

Шагаю по улице Шолом-Алейхема. Новостройка за новостройкой. Вспоминаю строчки стихотворения:

Шолом-Алейхем — это значит
мир вам.
Шоломалейхем, люди.

ИНТЕРВЬЮ С «БОГОМ»

«От Хабаровска до Комсомольска надо плыть 360 километров вниз по Амуру. У самого Комсомольска Амур поворачивает и образует громадную водную поверхность. От вольного ветра, от обилия сверкающей воды, от зеленых, заросших тайгою гор, что стоят напротив города, наконец, от славы, которой окутан город, испытываешь волнение. Волнуешься так, словно подъезжаешь к родному городу, где не был двадцать лет.

Каким окажется Комсомольск?» — спрашивал себя в 1938 году Евгений Петров.

Я тоже задавал себе этот вопрос, хотя и прежде бывал уже в Комсомольске. Впрочем, три года не такой уж большой срок, чтобы из памяти исчезли проспекты, набережные, встречи с людьми. И все же снова удивился, когда увидел на месте бывшего пустыря целый квартал жилых девятиэтажных домов и новехонькую, с иголочки гостиницу, в которой предстояло жить. Старый мой знакомый, сталевар завода «Амурсталь» Саша Кружаев стал депутатом Верховного Совета СССР. Об этом я знал раньше из газет. Чем же еще удивишь ты меня на этот раз, Комсомольск?

Секретарь горкома партии Аркадий Игнатьевич Шульга, словно прочитав мои мысли, буквально завалил меня новостями.

— Гостиницу вы уже, конечно, видели? Ах, да, живете в ней. Строится библиотека на триста тысяч томов, Дворец культуры судостроителей с бассейном и крытым спортивным комплексом, другой дворец на Дземгах тоже с бассейном, здание драматического театра, Дворец пионеров, студенческие общежития, речной порт, аэропорт, жилые кварталы, мост строим громадный, второй в истории Амура...

— Вы знаете, многие считают, что Комсомольск давно построен и делать в нем больше нечего.

— Как видите, это не так. Дел хватит на многие десятки лет и на любой вкус.

— Куда же все-таки поехать? Глаза разбегаются. Может, на мост?

От воды почему-то пахло арбузом. С деревянного настила я прыгнул на пляшущую в волнах палубу катера, загроможденного мотками троса, шлангами и деталями непонятного назначения. Мотор взревел, и катер рванулся на середину Амура к шестой опоре. Там самый сложный, самый напряженный, самый ответственный участок строительства моста. Там же находился «бог» монтажа, самый опытный бригадир Юрий Григорьевич Дорофеев.

— Он уже лет двадцать пять на мостах,— сказал о нем начальник мостостроительного отряда 26 Николай Дмитриевич Сентюрин,— монтажник высшего класса, умница, опыт громаднейший. Там, где некоторые инженеры втупик становятся, Дорофеев находит выход. Интуиция у него такая, что ли, талант... внешне он неброский. Но, между прочим, мосты, которые ставил Дорофеев на Волге, Днепре и других реках, в учебники вошли, студенты по ним науку мостостроения постигают...

— В его бригаде я практику проходил когда-то,— добавил главный инженер отряда Евгений Коростылев.— А тут смотрю — лицо знакомое. Я к нему — привет, учитель. А он молчит, думает, разыгрываю. Я снова к нему: «1956 год помнишь? Сызрань, пролеты железнодорожного моста через Волгу меняли, я студентом был, помнишь?» Так, кажется, и не вспомнил...

Шестая опора — неверный дощатый настил на сваях, рукотворный островок посреди реки. Рвет пену с гребешков волн ветер, неподалеку качается белый бакен. Амур дает здесь наглядное представление о своей силе — бешено проносит мимо островка куски дерева, щепу, струной натягивает тросы понтонов, грозит: оборву! С берега он совсем другой — спокойнее, величавее, что ли, настоящий Амур-батюшка.

А за шестой опорой пока ничего нет, только далекая сопка на левом берегу, на которую обопрется одним плечом мост. Я уверился почему-то, что узнаю «бога» монтажа по описанию, но, конечно, не узнал. Мне показали его. «Бог» облачен был в синие, заляпанные мазутными пятнами штаны и совершенно потерявшую цвет куртку. Из-под кепочки-букле впились в меня хитрющие медвежьи глазки. Что, мол, надо? Я объяснил. «Бог» удостоил меня ответом:

— Некогда, потом,— и пошел себе по неверным доскам к толстенному шлангу, который терзали добрые молодцы из его бригады: что-то у них там не клеилось.

Я не обиделся. А что? Вы можете похвалиться, что разговаривали с самим богом или видели его за работой?

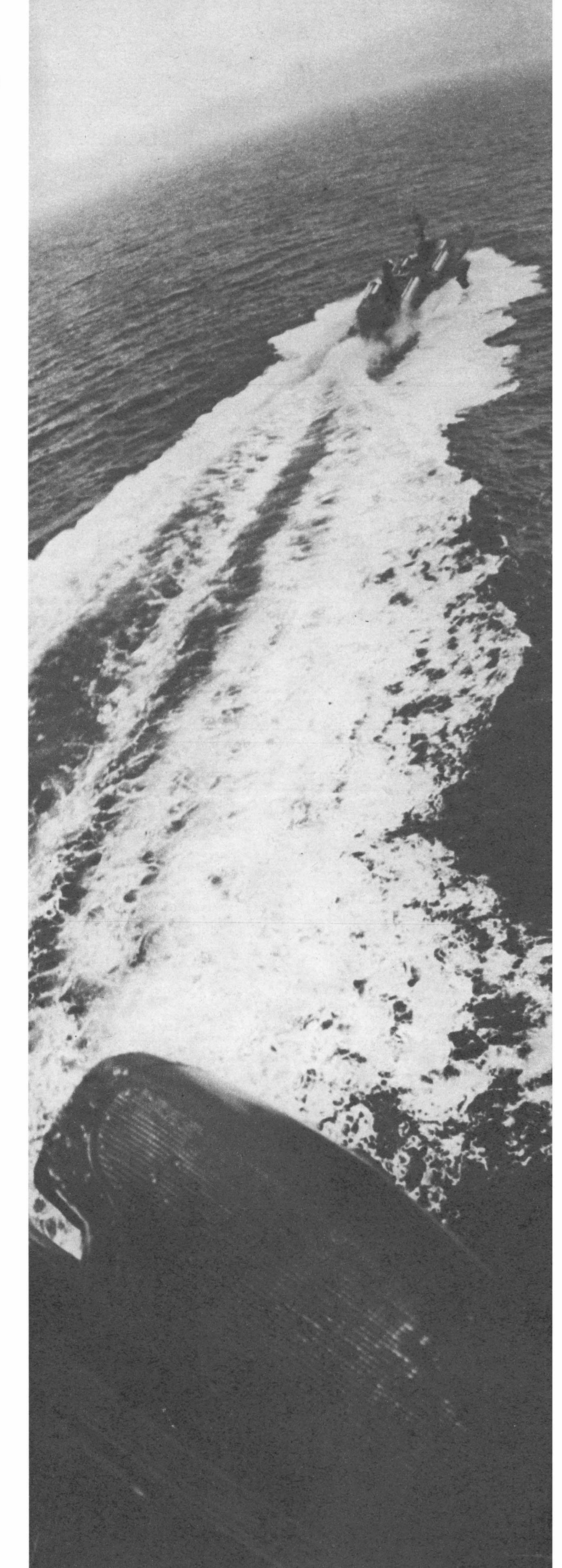
Дорофеев работал красиво. Он, казалось, умел все: сваривать стальные конструкции, разобраться, почему не работает компрессор, выверить и точно установить на реке понтоны, забивать сваи в грунт и, конечно, вести монтаж. Тут равных ему не было. Потом он сам признался, что монтаж — любимое его дело.

— Когда вы это поняли? — спросил я его.

Радужная продукция завода «Амуркабель».

Полегли туманы у реки...

На страже родных берегов.

— Давно, когда еще восстанавливал после войны в Днепропетровске мост.

— А сколько их всего в вашей жизни?

— Не считал.

— Какой самый памятный?

— Самый первый, под Гомелем, на реке Сож. Фашисты взорвали опоры вчистую, когда отступали. Нужно было восстанавливать. Сейчас понимаю, что он небольшой был, тот мостик, а тогда, в 1944-м, большим казался. Но запомнился, первый все-таки... Как попал туда? Длинная история. В Орловской области есть село Вышне-Ольшанское. В 1942 году, когда шли бои в тех местах, оно несколько раз переходило из рук в руки. К тому времени я остался совершенно один — отца, матери не помню, а дед умер. Такие дела. Мне 14 лет... Фашисты, захватив село, погнали всех рыть окопы. Потом лагерь, в котором каждый день копали могилы, потому что каждый день кто-то умирал. Большим специалистом стал по земле,— невесело усмехнулся он.— Потом фашисты драпанули, а лагерь перегнали в Белоруссию. Вскоре наши подоспели, освободили...

Думаю, куда идти? Пошел к военкому, а он мне говорит: молод еще в армию, отправлю тебя в мостоотряд, там тоже сейчас фронт. Так попал я на реку Сож...

— Какой мост самый интересный?

— Наверное, саратовский. Таких крупных блоков сборного железобетона мне до того ставить не приходилось... Опоры тоже — на сваях-оболочках.

— А самый трудный?

— Самый трудный этот, амурский. Два ледохода — весной и осенью, свирепая зима, короткое лето, высокие паводки, сумасшедшее течение. Грунт — скала. Впрочем, для прочности основания под опоры это как раз хорошо...

Он не успел договорить. Нас отвлек близкий гудок парохода. Мы оглянулись, но увидели не пароход, а плавучий стотонный кран фирмы «Ганц». У этого крана не совсем обычная биография. Дело в том, что он опытный и бесстрашный мореход. Из Венгерской Народной Республики, где он рожден, «Ганц» добирался до Комсомольска через восемнадцать морей и три океана... Вокруг света. Пришел уже осенью и встал на зимовку в протоке Шараханда отдыхать от морской качки. По весне подоспело время монтировать разобранный для морского похода кран, но специализированное управление бралось выполнить тот монтаж за такой срок, который надолго задержал бы важные работы на опорах. Позвали Дорофеева. Он походил, походил вокруг «Ганца» и вдруг объявил, что смонтирует его гораздо быстрее. Специалисты молча пожали плечами, обиделись. Кран был смонтирован, но Дорофеев слова «не сдержал» — управился даже раньше, чем обещал. Конечно, извиняться за это, как вы понимаете, ему не пришлось.

«Ганц» уже швартовался к опоре. Дорофеев встал. Ему снова было некогда. Кран привез очередную партию огромных железобетонных стаканов трехметрового диаметра — сваи-оболочки. Тут их очень ждали. Все было готово для встречи.

Вечером я все же смог, наконец, взять интервью у «бога» мостостроения. И тут выяснилось, сколько всяких проблем волнует их, строителей.

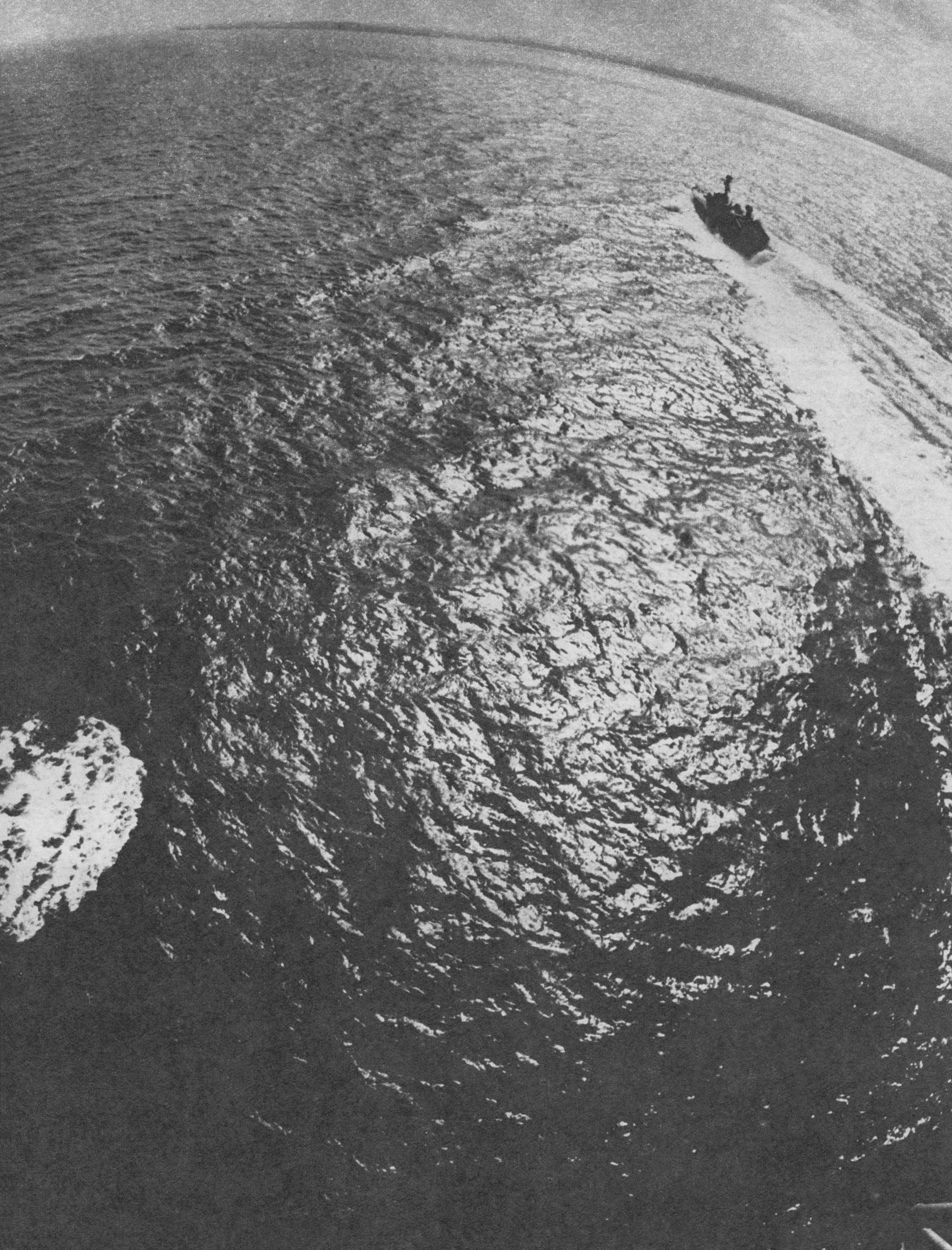
Поселок строителей с громким-громким названием «Новый мир» пока, к сожалению, его не оправдывает. Он состоит из сборных щитовых временных домиков, которые по инструкции почему-то нельзя штукатурить ни внутри, ни снаружи. Эта же инструкция утверждает, что домики должны выдерживать пятидесятиградусный мороз. Но амурские ветры и метели инструкций не читают и продувают домики насквозь. Руководители строительства все же правдами и неправдами с риском схватить «строгача» штукатурят жилища (и правильно делают!), иначе рабочих не удержать. Но почему неправдами?

...В благоустроенном Комсомольске, который отсюда виден невооруженным глазом, для рабочих заводов и фабрик установлен коэффициент к зарплате 1,5, а мостовикам, которые находятся в более трудных условиях, установлен коэффициент только 1,3. Почему? Конечно, мостовик не пойдет на «Амурсталь», но может уехать на соседний Сахалин, где коэффициент 1,8, или вернется на запад, где заработает те же деньги...

...Строится железнодорожный мост, и очень хорошо, что опоры его рассчитаны на совмещенный автомобильный проезд. Мост заменит дорогостоящую временную дорогу, ежегодно прокладываемую зимой по льду реки, и паромы, курсирующие летом с вагонами между Комсомольском и станцией Пивань, откуда дорога идет на Советскую Гавань. Но, оказывается, автомобильные пролеты сейчас монтироваться не будут, они МПС ни к чему. Как будто МПС находится в другом государстве! Ведь через некоторое время автопроезд придется неминуемо монтировать, но тогда уже будет действовать железная дорога и сделать это будет гораздо сложнее, дороже, неудобнее. Почему не сделать весь монтаж сразу, одним махом?

«Страна слишком любит, слишком ценит Комсомольск, чтобы оставить его без критики,— снова цитирую я Евгения Петрова.—...Но Комсомольск не первый и не последний социалистический город. Надо хорошо знать ошибки Комсомольска, чтобы не повторить их в других местах». Вот еще парадокс. Мы хорошо знаем эти ошибки, но повторяем их... в самом Комсомольске.

Начальник строительства Н. Д. Сентюрин говорил, что, несмотря на трудности, мост будет построен, красивый и прочный. Он должен вступить в эксплуатацию в 1974 году. Наверное, так оно и будет. Но с какими затратами средств, сил и нервов?

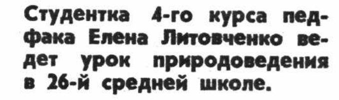

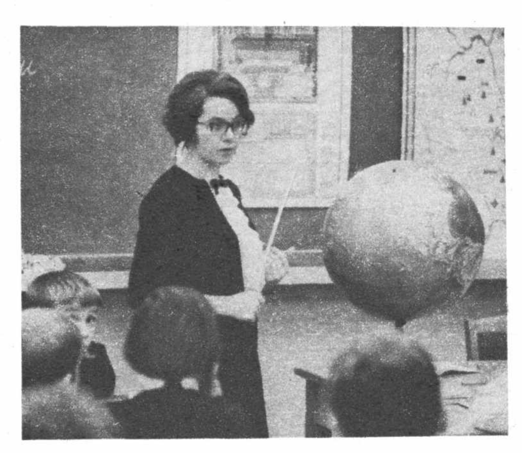
Имя профессора А. В. Перышкина известно каждому школьнику.

Елена Егорова учится на вечернем факультете дошкольного воспитания и работает в детском саду № 450.

Студентка 4-го курса педфака Елена Литовченко ведет урок природоведения в 26-й средней школе.

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

Нет такого уголка в нашей стране, где не трудились бы выпускники Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. Институту исполнилось сто лет. Заслуги его высоко оценены Родиной. Деятельность этого вуза была отмечена орденом Трудового Красного Знамени. А совсем недавно в связи с юбилеем институт был удостоен высшей награды страны — ордена Ленина.

Корреспондент «Огонька» Н. ВЕРИНА обратилась к ректору института профессору Павлу Александровичу КАШУТИНУ с просьбой рассказать о деятельности старейшего вуза. Вот его рассказ.

Фото Е. УМНОВА.

На заседании ученого совета. Идет защита докторской диссертации.

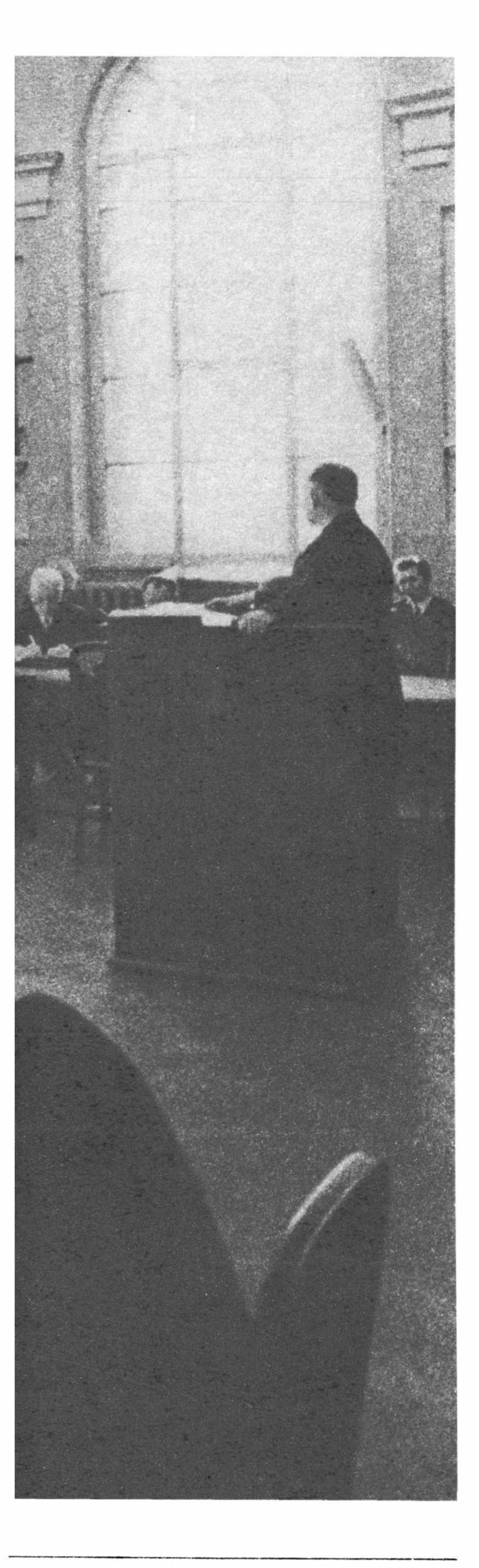
ВЕК БУДУЩИЙ И ВЕК МИНУВ

Сто лет для высшего учебного заведения — это жизнь нескольких поколений профессоров, преподавателей и студентов. Вековая история нашего института содержит немало славных страниц.

Ровно столетие прошло с тех пор, как прогрессивная общественность добилась разрешения открыть в Москве Высшие женские курсы. Многие курсистки вышли из демократических слоев общества и, живо восприняв слова Дантона. «После хлеба самое важное для народа — школа», стремились нести просвещение в массы. Но, не ограничиваясь только этим, они принимали активное участие в революционной борьбе.

В 1886 году тут была выпущена листовка, которую до сих пор невозможно читать без волнения и которая свидетельствует о большой организованности революционно настроенных учащихся: «Всех, в ком еще не погасла искра чести и свободы, мы призываем стать под давно поднятое знамя русской революции и показать сильно зарвавшемуся правительству, что еще не умерли среди нас Засуличи, Перовские и Фигнеры».

Царское правительство предпринимало всевозможные репрессии вплоть до закрытия курсов, но было бессильно сломить революционный дух, царивший здесь. В начале века на курсах возникла од-

на из первых в студенческой среде подпольных социал-демократических организаций Москвы.

Уровень преподавания в этом учебном заведении был необычайно высок. Тут работали выдающиеся ученые и педагоги: В. И. Вернадский, В. О. Ключевский, Н. Д. Зелинский, О. Ю. Шмидт, Д. Н. Прянишников, С. А. Чаплыгин и, наконец, П. К. Штернберг, астроном и замечательный революционер...

Грянул Великий Октябрь. В 1918 году Высшие женские курсы были преобразованы во 2-й Московский государственный университет. Причем в постановлении коллегии Наркомпроса специально подчеркивалось: «Не считать его вновь созданным высшим учебным заведением». Сказалось бережное отношение В. И. Ленина к прогрессивной дореволюционной профессуре и славным демократическим традициям учащейся молодежи.

Вождь пролетариата неоднократно выступал в стенах 2-го МГУ, об этом напоминает ныне мемориальная доска на главном корпусе института. С 26 августа по 4 сентября 1918 года здесь проходил I Всероссийский съезд по просвещению. 28 августа Владимир Ильич выступил с речью, где изложил широкую программу народного образования в Стране Советов. В большой лекционной аудитории — в 1924 году по специальному постановлению она получила название Ленинской — прозвучали знаменательные слова: «мы открыто заявляем, что школа вне жизни, вне политики — это ложь и лицемерие».

Институт свято следует заветам Владимира Ильича. Лекции профессоров и преподавателей здесь всегда были и остаются глубоко партийными по своей сути.

В 1930 году 2-й МГУ положил начало нескольким вузам, а его педагогический факультет был преобразован в Московский педагогический институт. Указом Президиума Верховного Совета СССР в мае 1941 года ему было присвоено имя В. И. Ленина.

Ныне наших выпускников можно встретить в деревнях равнинной Сибири и в горных кишлаках Киргизии, в жаркой Грузии и в студеной Якутии, на далекой Камчатке и на берегах Тихого океана... За годы Советской власти институт подготовил более пятидесяти тысяч специалистов для высшей и средней школы, для научных учреждений страны.

Сейчас на дневном и вечернем отделениях пединститута обучаются одиннадцать тысяч студентов. Одну из двадцати пяти специальностей выбирают они на четырнадцати факультетах. Есть у нас и пятнадцатый факультет — общественных профессий. В свободное время наши питомцы приобретают здесь знания, весьма полезные для будущего учителя: изучают историю искусств, художественное чтение и режиссуру, музыку, пение, хоровое дирижирование, проходят школу спортивного совершенствования.

Институт наш многонационален: у нас учатся представители всех союзных и автономных республик страны.

Вот каким огромным, сложным организмом стали теперь бывшие Высшие женские курсы! У нас работает около тысячи ста профессоров и преподавателей. Одним из первых выпускников педфака 2-го МГУ был А. И. Ревякин. С тех самых пор, с 1925 года, он трудится в институте. Ныне Александр Иванович — профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки РСФСР — руководит кафедрой русской литературы. Сорок пять лет ведет педагогическую работу профессор А. В. Перышкин, заведующий кафедрой методики преподавания физики. Эту фамилию хорошо знают школьники нескольких поколений, потому что уже сорок лет все они изучают физику по учебнику, созданному профессором. Преподают и возглавляют кафедры академик И. И. Минц, академик, лауреат Ленинской премии П. С. Новиков, лауреаты Государственной премии СССР С. А. Балезин и действительный член Академии педагогических наук А. Л. Нарочницкий, действительный член Академии художеств СССР, народный художник РСФСР В. П. Ефанов.

В нашем институте велик размах научно-исследовательской работы, здесь ведутся и теоретические и прикладные исследования. Многие из них завоевали признание не только в нашей стране, но и за рубежом. Во всем мире известен «Эффект Шпольского»,— иначе говоря, труды в области тонкого спектрального анализа сложных органических молекул, позволяющие выяснить структуру и свойства вещества. Автор этих работ, лауреат Государственной премии, доктор физико-математических наук профессор Э. В. Шпольский, уже много лет сотрудничает в нашем институте, возглавляет лабораторию спектроскопии. Еще недавно Эдуард Владимирович руководил и научной и учебной деятельностью кафедры. Вырастил достойную смену и теперь сосредоточил свои силы и огромный многолетний опыт на руководстве научными исследованиями и подготовке высококвалифицированных кадров.

Крупными именами представлен в институте цикл педагогических дисциплин. В свое время здесь вел научную и преподавательскую работу Герой Социалистического Труда И. А. Каиров. Сейчас кафедру возглавляет член-корреспондент Академии педагогических наук профессор И. Т. Огородников. О значении педагогической школы, сформировавшейся в институте за годы Советской власти, говорит хотя бы такой факт. Несколько лет назад был объявлен конкурс на учебник по педагогике для высшей школы. Из трех учебников, признанных лучшими, два были созданы нашими учеными.

Что сказать о студентах института? Это замечательный народ. Еще в годы учения они активно вторгаются в жизнь страны, становятся непременными участниками важных общественных начинаний. Именно наши питомцы первыми начали помогать молодым рабочим, поступающим в вузы. Одиннадцать лет назад при институте был организован рабфак. Он стал подлинным университетом трудовой молодежи. Студенты занимаются с рабочими теми предметами, которые необходимы для учебы в институте, и помогают им повышать общий культурный уровень. Кроме того, у нас были созданы очные и заочные курсы и консультационные пункты для подготовки в вуз рабочих, колхозников и их детей. Наши воспитанники помогают в учении ребятам, которые лечатся в больнице имени И. В. Русакова; возглавляют в школах-интернатах разные кружки — от кружка текущей политики до кружка бальных танцев; в Ленинском районе столицы руководят на общественных началах детскими садами.

Несколько лет назад комсомольцы института создали макаренковские педагогические отряды. Студенты берут над ребятами личное шефство, следят за их занятиями, организуют при жэках кружки. С деятельностью последователей А. С. Макаренко тесно смыкается и работа оперативных отрядов, которые помогают сотрудникам детских комнат милиции.

Все мы — наставники студенчества, партийная и комсомольская организации — уделяем большое внимание общественной деятельности наших питомцев. Участие в жизни страны вырабатывает у будущих учителей полезные навыки в работе с детьми, способствует их идейному возмужанию, способствует тому, что они приобретают в институте не только теоретические, но и практические познания.

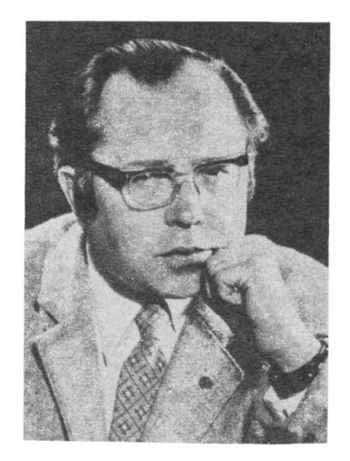
Мы получаем хорошие отзывы о работе наших выпускников. Вот один пример. Четыре года назад окончила исторический факультет Светлана Храмова, поехала на Камчатку, полгода преподавала в школе, а потом ее избрали секретарем райкома комсомола. Сейчас Светлана Михайловна отвечает за всю педагогическую работу в районе.

И еще об одном хотелось бы сказать. Немалый вклад вносят наши воспитанники в исследовательскую работу. В студенческом научном обществе состоит свыше пятисот человек. При кафедре общих технических дисциплин существует студенческое конструкторское бюро. Оно разрабатывает и производит опытные образцы, а иногда и головную серию приборов, необходимых для учебного процесса в школах и вузах. В основном это приборы, основанные на использовании электронной техники.

Несколько слов о дружеских творческих связях с зарубежными педагогическими коллективами. Много лет нас связывает большая дружба с Академией педагогических наук ГДР и Высшей педагогической школой в Лейпциге, с оломоуцким университетом имени Палацкого, с пловдивским университетом имени Хилендарского, с педагогическим институтом в Ханое. Идет взаимный обмен — в порядке стажировки — преподавателями и студентами. Проводим совместные научные исследования.

Социалистические страны строят свою работу по народному образованию, руководствуясь теми же основами, что и советские педагоги. Ведь все мы — деятели просвещения братских государств — делаем общее дело: воспитываем молодежь в духе верности идеалам марксизма-ленинизма, стремимся вырастить людей, которым предстоит возводить величественное здание коммунизма.

Юбилей института — это не только наш большой праздник. Все, чего мы добились,— это и определенный итог развития народного просвещения в стране за годы Советской власти. Коллектив института постоянно ощущает большую заботу партии и правительства о советских педагогах. Мы понимаем, сколь велика наша ответственность. Именно учитель в значительной мере определяет облик всего общества на ближайшие полстолетия. От того, каков учитель сегодня, зависит, каким будет советский человек завтра. Фактически уже сейчас педагоги работают на XXI век. Сознавая свою высокую миссию, мы, как и все советское учительство, стремимся идти в ногу с жизнью, лучше решать задачи, поставленные XXIV съездом КПСС перед работниками народного образования страны.

Владимир **КОТОВ**

ЗНАМЕН ПОК

НАШ СОЮЗ

Советские люди,
мы снова
се дня осмыслить должны,
«Союз» —
величавое слово
в названии нашей страны.
Народы
борьба собирала
под знаменем красной зари,
союзов таких
не бывало
в истории нашей земли!
Свободною птицей взлетала
мечта вековая в полет!
Союз
без оков капитала,
Союз
без
рабов и господ!
Все то,
что томилось, рождалось
в движенье
формаций и эр,
в одном
и слилось и спаялось,
в едином, родном
СССР!
Отлит он из ленинской стали,
прообраз
грядущих веков,
и общею кровью
он спаян
в борьбе против общих врагов.
«Развалитесь вы! Что вас держит?!—
кричал нам фашизм.—
Сдайся, рус!»
Но черный фашизм
был повержен,
и вновь победил наш Союз!
Так, значит,
стояли народы
за новую долю свою
не только
в сказаньях и одах,
но в страшном,
смертельном бою!
Так, значит,
недаром он создан
единою волею был.
Так, значит,
недаром он к звездам
созвездье свое
устремил!
Борцы всех времен и народов
сегодня в шеренги встают,
борцы всех времен и народов
одну с нами песню поют.
Живите,
республики,
дружно
в свободном своем далеке,
а если
опять будет нужно,
сожмитесь
в стальном кулаке!
Все то,
что томилось, рождалось
в движенье формаций и эр,
в одном
и слилось и спаялось,
в едином, родном
СССР!
Общею кровью
он спаян
в борьбе против общих врагов,
отлит он из ленинской стали —
прообраз
грядущих веков.

ДЕНЬ ПОБЕДЫ В ГОРОДЕ НА ВОЛГЕ

Май мира,
весен всех основа,
нам дарит вновь лучи и краски;
и люди мира
славят снова
тот час
победы сталинградской.
Земля гудела и стонала,
и видел Волгу враг уже...
Но рать советская
стояла,
и с нею
вся страна стояла
на правом волжском рубеже.
Горя в огне
и не сгорая,
кромсая вражьих войск подкову,
стояла
Шестьдесят вторая,
стояла армия Чуйкова.
Страна родная,
все изведав,
не зная, горе как вместить,
здесь
подняла
свой меч Победы,
чтоб там,
в Берлине,
опустить...
Сияет солнце,
машет ветка,
бегут аллеи вниз и вверх,
там, где гремела
битва
века,
сегодня грянет фейерверк!
И брызнут с неба
не осколки,
а звезды,
как цветы весны,
и дышит ширь
великой Волги
непобедимостью страны!
А на Мамаевом кургане,
торжественны и величавы,
сверкают линии и грани
советской
ратной
вечной славы.
И в память битвы сталинградской
как бы самой земли
рука
несет огонь
могилы братской,
как факел,
в новые века!
Солдат и маршал —
оба седы! —
на эту высоту земли
в прекрасный
майский День Победы
поклон свой
павшим
принесли.
И даже ветер
шапку снимет
и помолчит,
взлетев сюда...
Весь город здесь сегодня
с ними,
и вся страна сегодня
с ними,
как в год далекий,
как всегда.

Волгоград, май, 1972 год.

МОЛОДЫМ

Листва за листвою,
за снегом снег
сменяются,
как и положено.
Но остается,
живет
человек,
каждой новой листвой
омоложенный!
И ежегодно
шумит первый класс,
одежке
дай новые мерки!
И ежегодно
с сиянием глаз
поют выпускницы
и крепнет бас
у юношей,
полных энергии...
Природа права,
жизнь большая права,
их мудрость ничем не заслонится!
Приходит листва,
уходит листва,
но светит
все так же
солнце!
Солнцу
тысячелетья
дышать!
Практически
свет его
вечен.

АМ КРАСНЫМ
ЛОНИСЬ

Солнце —
всего живого
душа,
и заменить его
нечем!
Вот так же
для всех настоящих людей,
для идущих землей
поколений
будет жить и светить
свет октябрьских идей,
будет жить и светить
Ленин!
Вы выходите в жизнь,
молодые друзья,
для чего?
Побеждать?
Иль сдаваться?
Вам о главном —
о солнце
не думать нельзя.
В стороне вам нельзя оставаться!
Сколько пало в боях
беззаветных бойцов,
взор сюда устремив,
в наши дали...
Это ваши отцы,
и отцы их отцов,
и отцы тех отцов
побеждали!
Побеждать!
Вам одно только право дано!
Так осмыслите,
что вы
и кто вы,
солнце Ленина
вам вручено,
защищать его
будьте готовы!

МУДРОСТЬ ДРУГА

Давно известно,
добрый разум
никто не наживает разом.
Пока пройдешь сквозь даль годов,
пока о многом сам узнаешь,
о, сколько
соли съешь пудов!
И сколько крови потеряешь!
Не просто
двигаться вперед,
и нет здесь новости новейшей.
Жизнь и дает,
жизнь и берет.
А вот терять
нельзя ль поменьше?
В далекий путь выходят двое,
в своей поэзии
и в прозе.
Что
в жизнь большую
взять с собою?
Что уберечь?
А что отбросить?
Бывает,
двое стонут, мечутся
под гнетом чувств,
проблем
и фраз...
Но не прошло ли
человечество
все это
миллионы раз?!.
В своей святой неудержимости
давно уж вертится Земля,
и, право, нет необходимости
во всем идти нам
от нуля.
И то, что сам ты не постиг,—
да и когда еще постигнешь! —
найдешь в колодцах добрых книг,
когда к их мудрости приникнешь.
Все вновь пройти
не хватит сил,
жизнь подгонять нас не устанет!
Пусть опыт тех,
кто больше жил,
твоим вооруженьем станет!
Все то, чего не знаешь сам,
пусть чашей подойдет по кругу.
Свой опыт
подари друзьям,
друзья,
вооружите друга!
Не заносись,
мол, «сам с усам».
Ты не один на всю планету!
А мудрость друга —
тот бальзам,
ценней которого и нету.
Пусть юность брызжет
жарко,
шумно,
но не гоняйся
за дрянцом!..
Уж лучше смолоду
быть умным,
чем под старость
мудрецом!

* * *

Мы с тобою не заметили
в тот момент неловких фраз.
Мы с тобою
в жизни встретились
в лучший день
и в лучший час.
Слава нам,
не только случаю!..
Счастьем вдруг опалены,
самым лучшим,
самой лучшею
друг для друга стали мы.
Жизнь свои имеет скорости,
и зачем теперь хитрить —
в буднях,
в горести иль в гордости
по-другому говорить?
Слава нам,
не только случаю!
Жизнь —
работа, песня, бой!
Сохранить
все наше лучшее
мы обязаны с тобой.
Если что,
пусть не заметим мы
и сейчас неловких фраз,
мы с тобою в жизни встретились
в лучший день
и в лучший час.

* * *

В любви к Отчизне
не клянись.
Но если любишь верно, чисто,
сойди с крыльца
и оглянись:
ждет,
смотрит,
слушает Отчизна!
Знаменам красным поклонись!
А ты
готов сегодня к бою?
В любви к Отчизне
поклянись
и каждым днем
и всей судьбою!
Ее даров и не считай —
что могут здесь слова и числа?
Строй не на этом:
«Дай! Дай! Дай!»,
строй на другом:
«Возьми, Отчизна!»
Где б ни несла тебя страна,
в поселке дальнем иль в столице,
коль будешь нужным ей,
она
за все воздаст тебе сторицей!
Споткнулся, что ж,
и погорюй...
Не все легко,
бывают мели.
Упал —
мать-землю поцелуй,
встань, поднимись —
и снова к цели!
И все, что суждено свершить,
свершишь ты со страною вместе;
и все, что суждено прожить,
ты проживешь
светло и с честью!
А если вдруг хитрить начнешь
и, образумясь, не воспрянешь,
то все на свете
проклянешь —
людей,
народ наш
не обманешь.
Знаменам красным поклонись!
А ты
готов сегодня к бою?
В любви к Отчизне
поклянись
и каждым днем
и всей судьбою!

БОЛЬ ЗА СБОРНУЮ

ФУТБОЛ

Лев ФИЛАТОВ

Завершился большой футбольный сезон. В нем было немало приятных событий. Ворошиловградская «Заря» отодвинула на второй план прославленные футбольные команды. Успешно выступают в международных турнирах «Спартак», киевское «Динамо», «Арарат». Но было в сезоне также много огорчительного. Тревогой за судьбы сборной команды страны, которой предстоят в 1973 году решающие встречи на пути к играм на X чемпионате мира, и пронизана статья Льва Филатова.

•

В этом году я особенно остро почувствовал себя болельщиком нашей сборной команды. «Не поздновато ли?» — иронически улыбнется читатель. Да нет, сердце не обманешь: коль скоро в слове «болельщик» звучит слово «боль», то все понятно, ибо никогда прежде не было так больно за сборную.

Позволив себе чувствительную нотку, я, видимо, должен как-то объяснить свое право на нее.

Все мы в равной мере пристрастны к нашей первой команде страны, одинаково желаем ей побед, ждем от нее хорошей игры, она имеет большую власть над нашим настроением: то поднимает его, то портит. Было бы странно и нелепо доказывать, что одному из нас она больше дорога, чем другому. И все-таки возьму на себя смелость заявить, что я один из немногих людей, который тесно связан с ней на протяжении всей ее истории. Да, всей. Далекой весной 1952 года писал я в «Советском спорте» отчет о матче ЦДСА — сборная Софии. В ту пору, в серии товарищеских игр, еще не объявляя себя, под разными названиями наша сборная готовилась к своему дебюту. И совсем недавно, в октябре, о самом последнем ее матче в Дублине со сборной Ирландии мне тоже довелось писать.

Между этими двумя датами — 21 сезон и 191 матч. Разумеется, далеко не все удалось увидеть. Но все же в качестве спецкора я был свидетелем ее выступлений на трех чемпионатах мира. Все же в крошечной раздевалке старого парижского «Парк де Пренс» в июне 1960 года я трогал серебряную амфору — Кубок Европы — и сидел на матчах сборной в ложах прессы стадионов Москвы, Ленинграда, Киева, разных городов Европы и Южной Америки. Этой команде я обязан знакомству со многими замечательными мастерами и видными тренерами, ей я более всего обязан знаниями о футболе, игре мудрой и глубокой.

Историю сборной еще предстоит осмыслить и связно изложить. Пока ее изображают колонками цифр, списками фамилий. Между тем у сборной команды свой трудный и драматический путь, который лишь иллюстрируется матчами выигранными и проигранными, голами забитыми и пропущенными.

Спору нет, уровень ее результатов и игры, как и у любой другой команды, колебался, но лишь в пределах достаточно высоких отметок на мировой и европейской шкале. Хотя полный успех ей сопутствовал лишь дважды, на Олимпиаде 1956 года и в розыгрыше Кубка Европы 1960 года, она неизменно фигурировала в узкой компании соискателей главных призов, всегда рассматривалась ее противниками как опасная, грозная сила. Она выдвинула плеяду игроков, получивших мировое признание, записала в свой актив немало славных побед, ее игра, динамичная, волевая, скоростная, сложилась в характерный стиль, с которым каждый очередной соперник вынужден был считаться.

Сказанное в предыдущем абзаце кому-то может показаться общеизвестным. Но я сознательно иду на риск повторения ради того, чтобы яснее, было, чем сейчас рискует наша сборная...

Поражение нашей сборной на «Ацтека» от уругвайцев в 1970 году показалось мне особенно тяжелым еще и потому, что я видел, как прятали от меня глаза соседи по ложе прессы, как недоуменно пожимали они плечами, слышал их коротенькие реплики, смысл которых сводился к тому, что советская команда на себя не похожа. В тот день наша сборная и впрямь была неузнаваемой. До этого пять раз без осечек побеждавшая уругвайцев, она вдруг чего-то испугалась, сжалась и разрешила противнику себя атаковать. А он, сам изготовившийся к защите, долго не верил предоставленной свободе. За неожиданно примененный нашей сборной оборонительный вариант она была наказана глупым голом в добавочное время. И ход и результат этого матча были признаны прессой одним из сюрпризов мексиканского чемпионата.

Тот матч был подобен сигналу тревоги. Правда, теплилась в душе надежда, что тревоге этой будет дан отбой, ведь и прежде бывали досадные поражения. Но время шло, а проигрыш уругвайцам не забывался, иные новые матчи заставляли его вспоминать своей на него похожестью. И пошла череда игр, в которых действия нашей команды выглядели заведомо пассивными, выжидательными, откровенно оборонительными. В сезоне 1971 года такой она была на стадионах Белфаста и Севильи, а в нынешнем году еще чаще и еще определеннее — на стадионах Белграда, Мюнхена, Парижа...

Мы и в прежние годы не скупились на упреки, нас огорчали и сердили те или иные просчеты и несовершенства в игре сборной. Но в чем ей никогда нельзя было отказать, так это в решительности, в боевом настроении, в нацеленности на наступление, которое она почитала своим предназначением. В таком стиле она проводила игры с самыми именитыми командами — сборными Бразилии, Англии, ФРГ, Италии,— что и позволяло ей держаться с ними наравне. Конечно, сам по себе стиль не гарантировал успеха, иногда возможности, им открываемые, оставались неиспользованными. Вспомним хотя бы матч со сборной ФРГ в полуфинале чемпионата мира 1966 года. Наши проиграли 1 : 2. Но ведь по общему впечатлению это была игра команд равных, и, даже оставшись вдесятером, советская сборная атаковала и имела шанс сравнять счет. Прошло шесть лет, и две новые встречи тех же сборных, товарищеская и финальная в чемпионате Европы, показали, насколько наша сборная позволила себя опередить сильному конкуренту.

Оглянувшись назад, мы легко припомним, что последний раз сборная сыграла весь матч от начала и до конца в атакующем стиле, с воодушевлением в 1968 году в Лужниках со сборной Венгрии, когда ей надо было победить 3 : 0, что она и сделала, как по заказу. Потом такую ее игру мы видели уже урывками: то ее хватало на один тайм, как с испанцами весной 1971 года и с югославами весной этого года, а то минут на 20 — 30, как в Киеве с перуанцами, как на Олимпиаде с командами Польши и ГДР...

На первый взгляд может показаться, что ничего особенного не стряслось, результаты последнего сезона не так уж плохи: серебряные медали в чемпионате Европы и бронзовые на Олимпийских играх. Бумага, на которую занесены эти итоги, все стерпит. Ну, а нам, очевидцам, полагается смотреть правде в глаза. Правда же состоит в том, что эти полупобеды были вымучены, что достигнуты они игрой, где была принесена в жертву атака ради прочности обороны, где стратегической кульминацией становилось удержание либо нулевой ничьей, либо минимального преимущества.

Иной раз малодушие очкового практицизма по-человечески можно понять и простить. Как исключение. Если же это малодушие становится определяющей чертой, то в этом случае команда рискует остаться без будущего.

Я не говорю уж о том, что игра на удержание не может вечно сходить с рук, она лишь до поры до времени оттягивает неминуемые разочарования. Проигрыш полякам на Олимпиаде, когда наша команда долго пыталась сохранить счет 1 : 0 в свою пользу, потом проигрыш французам отборочного матча чемпионата мира, когда нашими владело желание «сварганить» деловую ничью на чужом поле,— вот жестокие доказательства обреченности этой, с позволения сказать, стратегии. Примеры эти тем более разительны, что ни польская, ни французская команды не представляли собой такой грозной силы, перед которой полагалось бы заранее склоняться. Оба эти матча были прямым продолжением печально памятной встречи с уругвайцами в Мехико.

Что же к этому привело, почему наша сборная начала терять свое лицо, свой коллективный характер?

Наиболее ходовая версия состоит в том, что в судьбе сборной, как в зеркале, отражены все слабости и узкие места клубного футбола. Эта версия по своей безапелляционности стала чем-то вроде, ну, скажем, популярного физического закона Ома. Я не намерен ее опровергать, ибо тоже убежден, что в общем виде она справедлива. Однако «прямая пропорциональность» в данном случае не выглядит бесспорной.

«Да, наши футболисты в последние годы играли хуже, чем прежде, а в отдельных встречах просто из рук вон плохо... Мы по-прежне-

Н. Быканова (Москва). СОРЕВНОВАНИЯ.

Д. Джумабаев (Фрунзе). ВЕСТИ.

О. Чубунидзе (Тбилиси). СЕМЬЯ.

му можем и должны упрекать наших футболистов за пробелы и упущения в тактике и в технике (особенно — за неумение бить по воротам)... Мастерам футбола пожелаем играть так, чтобы расплатиться с долгом, в котором они оказались перед многомиллионной аудиторией...»

Эти строки не из вчерашней газеты, я позволил себе привести выдержку из своей статьи в «Советском спорте», напечатанной в сентябре 1953 года. Между тем именно в том сезоне формировались мастера, которым вскоре предстояло в составе сборной команды совершить вторжение в мир международного футбола.

Не хочу утверждать, что сезон 1972 года прошел не хуже, чем сезон 1953-го. Скорее всего — хуже. Сопоставлять сегодняшнюю игру с игрой двадцатилетней давности — занятие бесполезное и неблагодарное. Кроме всего прочего, вполне естественно растет и наша взыскательность, меняются ориентиры, более тонким становится футбольный вкус широкой публики. Однако и «долг перед аудиторией», и «неумение бить по воротам», и то, что «играли хуже, чем прежде»,— все эти беды клубного футбола не помешали в свое время созданию сильной сборной.

Так уж получилось, что у нас сборная команда вышла на международную арену (имеется в виду участие в официальных турнирах) много раньше, чем клубы. Например, в розыгрыш Кубка европейских чемпионов, учрежденного в 1955 году, наши клубы включились с одиннадцатилетним опозданием, уже после того как сборная побывала на трех чемпионатах мира, в двух розыгрышах Кубка Европы. Разумеется, хорошего в этом ничего нет. Но, как бы то ни было, обстоятельства сложились таким образом, что сборная в одиночку осваивала международный опыт, сражалась в одиночку, она и только она завоевывала для нас футбольный авторитет. Именно поэтому она выглядела вполне самостоятельной боевой единицей, облеченной доверием, наделенной чувством собственного достоинства.

Динамовцы, спартаковцы, торпедовцы, москвичи, тбилисцы, киевляне, ростовчане, явившись в сборную, естественно, образовывали слитный коллектив, который жил по законам повышенной ответственности, где новичков брали в оборот даже не тренеры, а игроки-старожилы, признанные вожаки. Я пишу об этом с полной уверенностью, потому что не раз и не два жил и путешествовал вместе со сборной, можно сказать, дышал ее воздухом. Бывало, они ворчали, на что-то сетовали — Яшин, Масленкин, Иванов, Месхи, Метревели, Воронин, Шестернев, Хусаинов, Пономарев, Сабо, Хурцилава — все, кого я близко наблюдал, с кем разговаривал по душам. Но они точно знали цену себе и противнику, ни перед кем не ломали шапку, и не было для них матча, который они не считали бы возможным выиграть.

В Мехико я однажды ехал в автобусе с командой и вел тихий разговор с двумя игроками.

— Телевизор смотрите? Кого видели?

— О бразильцы! О англичане! А сборная ФРГ!..

И, слушая эти восторги, я подумал, что в сборной времена переменились: прежде о противниках отзывались скупее, строже, точнее, как бы помня и цену самим себе.

Весной этого года в белградской гостинице я смотрел вместе с футболистами транслировавшийся с «Уэмбли» матч Англия — ФРГ. Было удивительно тихо, как-то подавленно тихо. И разошлись, не обменявшись впечатлениями.

А лет шесть-семь назад, в старой сборной, кто-нибудь — Яшин, Воронин, Шестернев,— во всеуслышание бы заявил: «Прилично играют. Хорошие командочки!» И после такой спокойной похвалы у всех осталось бы ощущение, что и они способны сыграть с теми, кто блистал на экране. Ну, а тут после телесеанса мне показалось, что наши футболисты уже готовы были признать свое поражение в предстоящих матчах со сборной ФРГ.

Я убежден, что и сейчас наша сборная могла бы остаться самостоятельным коллективом, знающим свои особые обязанности, способным вкладывать все силы и всю душу в каждый свой матч. Однако в последние годы было сделано много такого, что если не разрушило, то подорвало основы этого футбольного товарищества. Что же именно?

Прежде всего сборная стала играть чересчур много. В этом сезоне она провела 22 официальные встречи на уровне сборных и 8 — с советскими и зарубежными клубами. 30 матчей — столько же, сколько проводят наши клубы высшей лиги в чемпионате! Для сравнения скажу, что сборные Англии, ФРГ, Бразилии, Италии и Испании сыграли в этом году от 6 до 10 матчей.

Прежде сборная играла гораздо реже. В 1956 году — 12 матчей, в 1958-м — 9, в 1960-м — 5, в 1962-м — 7, в 1964-м — 8, в 1966-м — 16 (любопытно, что последние два, с Турцией и Италией, были проиграны), в 1968-м — 12, в 1970-м — 12. Я умышленно выбрал годы, когда проводились финалы чемпионатов мира или Европы. В прошлом сезоне сборная сыграла 11 матчей, но, кроме того, еще 12 с зарубежными клубами.

Какие же 22 матча? 4 — чемпионата Европы, 2 — чемпионата мира, 7 — на Олимпийских играх, 6 — товарищеских и 3 — в Бразилии в розыгрыше «Кубка независимости». (Хотя в последних трех встречах в форме сборной СССР выступала фактически «Заря», результаты будут числиться в летописи сборной, ибо турнир этот проходил под эгидой ФИФА.)

Что и говорить, сезон был сложный. Был ли выход? На мой взгляд, сборную можно было освободить от участия в Олимпиаде, предоставив это право молодежной команде. Я наблюдал за многими матчами олимпийского футбольного турнира и должен сказать при всем к нему уважении, что уровень его невысок, что он более всего интересен для команд тех стран, где футбол еще только развивается, либо для тех, кто хочет испробовать свою молодежь. Скорее уж сборной следовало поехать в Бразилию, где она встретилась бы с вероятными участниками следующего чемпионата мира. Если бы еще отложить половину товарищеских матчей, то и получилась бы приемлемая цифра — 12 матчей.

Когда сборная (первая команда страны) выступает 30 раз в сезоне, происходит нечто вроде девальвации. Раньше всего это дает себя знать в отношении игроков к матчам. Теряется ощущение исключительности события, его особого значения. Матчи становятся рядовыми, а так как от них еще накапливается усталость, то некоторые и вовсе становятся в тягость. Это и приводит к выветриванию чувства повышенной ответственности, без которого существование коллектива сборной немыслимо.

Нельзя злоупотреблять и гастрольными выступлениями против клубных команд разных стран, такие разъезды приучают игроков играть спустя рукава. Помню, осенью 1965 года в южноамериканском турне, хорошо сыграв матчи со сборными Бразилии (2 : 2), Аргентины (1 : 1) и Уругвая (3 : 1), наша команда встретилась в Чили уже не со сборной, а с клубом «Коло-Коло» и без борьбы уступила ему (1 : 3) главным образом потому, что соперник, что называется, «не вдохновлял». Особенно спорны подобные вояжи ранней весной, когда игрокам полагается в своих клубах готовить себя к предстоящему сезону.

Не меньшее, а быть может, и большее опасение вызывает и другое — необычайная текучесть игроков в сборной. Алые футболки надевали в 1970 году 29 человек, в 1971-м — 36, а в нынешнем — уже 51, причем 28 из них — впервые.

В прежние годы игра сборной мне, как журналисту, обязанному передать в газету свои впечатления, то нравилась, то не нравилась, но всегда был ясен план, всегда можно было определить на глаз, что удавалось и что срывалось, и, пока шел матч, отчет о нем уже четко вырисовывался. В этом году на Олимпийских играх я впервые столкнулся с тем, что не вижу, не понимаю, как играет сборная, чего она добивается, как строит игру. Я говорил о своем затруднении некоторым игрокам сборной и неизменно слышал в ответ: «А мы тоже не знаем, как играем».

30 матчей сыграно, но искомые одиннадцать игроков так и не были найдены. Даже в последнем матче сезона, в Дублине, по сравнению с предпоследним, в Париже, были сделаны четыре замены.

Складывалось впечатление, что так называемая селекция (отбор игроков) велась по принципу: «А не подойдет ли этот, давай-ка его попробуем». Пробовали, переставляли, заменяли, отчисляли, возвращали. В линии полузащиты, столь важной в современном футболе, появлялись Еськов, Долматов, Сабо, Коньков, Куксов, Якубик, Андриасян, Маховиков, Трошкин, Заназанян, Ольшанский. Когда же перед последним матчем сезона со сборной Ирландии оказалось, что возможен лишь один исход — победа, а в противном случае можно не попасть в финальную часть X чемпионата мира, на поле вышли Колотов, Федотов и Мунтян — та тройка полузащитников, которая играла не раз еще в 1971 году. Надо признать, что она провела матч более квалифицированно, чем все другие сочетания. Так к чему было целый год раскладывать пасьянсы?

Сборная не может быть залом для транзитных пассажиров. Не только потому, что бесконечные перетасовки отдают игровую судьбу команды на волю случая. Еще опаснее то, что при этом нарушается коллективизм, многие игроки начинают рассматривать свой вызов в сборную как случайный эпизод, а отсюда прохладное, порой легкомысленное отношение к своим обязанностям.

Нельзя приглашать в сборную игрока, руководствуясь только тем, что он в своем клубе вдруг удачно провел два-три матча или забил два-три гола. Наряду с игровыми соображениями должен существовать еще и выбор по принципу человеческой надежности.

Часто можно услышать сетования, что, дескать, нет хороших игроков, отсюда и все затруднения. Если согласиться с этой точкой зрения, то тогда придется сидеть у моря и ждать погоды. Но сборная не может пребывать в меланхолии, у нее ежегодная программа ответственных встреч, к ней приковано неотступное внимание. А кроме того, хорошие игроки есть! Но только хорошо ли им в сборной?

Полузащитник Колотов сыграл за сборную 25 матчей и забил 14 голов. Для сравнения напомню, что славные бомбардиры прошлых лет Н. Симонян и А. Ильин имели соответственно такие показатели: 23 и 12, 33 и 16. Иванов, рекордсмен сборной по забитым мячам (26), провел 60 матчей. Как видите, Колотов им не уступает.

20-летний крайний форвард Блохин в 9 матчах забил 8 голов, а это был его первый сезон в большом футболе. Не исключено, что когда-нибудь, с годами, их будут ставить в пример. Пока же эти несомненно одаренные, остро играющие футболисты, я бы сказал, не вплетены в ткань сборной, их удачи эпизодичны, их достоинства не подчеркнуты построением игры.

Долго не возвращали в сборную Ловчева. А когда он появился, сразу выяснилось, что приобретен не просто надежный защитник, а и надежный человек, играющий с душой, страстно, способный увлечь за собой других, как раз такой, каким самое место в сборной страны. А ведь эти его качества известны были давно.

Проиграли французам 0 : 1. Проиграли из-за того, что ничем не проявили себя в наступлении. Однако старший тренер А. Пономарев в интервью корреспонденту «Комсомольской правды» виновником поражения назвал вратаря Рудакова. Не говоря уж о том, что всегда сомнительными выглядят кивки в сторону вратаря при счете 0 : 1, отказ в доверии человеку, не раз выручавшему сборную (в Белфасте, Севилье, Белграде), несомненно, сильнейшему сейчас у нас в воротах,— это может лишь осложнить отношения в команде.

Шесть поражений внесено в прошлом году в послужной список сборной. Кажется, никогда раньше такого урона она не несла. Но дело даже не в этом. Самое тревожное в том, что сезон не продвинул ее ни на шаг ни в определении оптимального состава, ни в поисках игры, ни в создании коллектива, проникнутого чувством повышенной ответственности. Все эти проблемы отложены до будущего года.

Скажу больше: сборная начала потихонечку терять свою репутацию, завоеванную несколькими поколениями футболистов. Оттого и больно за сборную.

Давняя традиция «Огонька» — давать боевое крещение молодым, начинающим поэтам, писателям, композиторам... Николай Писаренко преподает постановку голоса в Смоленском музыкальном училище. И это не случайно: здесь, на смоленской земле, под Ельней, сложил его отец свою голову в боях Великой Отечественной войны.

Начинал Николай с песен под гармонь, по слуху. Потом было музыкальное училище, музыкально-педагогический институт... Как только научился Николай писать ноты, так и начал записывать свою собственную музыку, которая давно уж складывалась сама собой, едва лишь попадались стихи, затрагивающие какие-то тайные душевные струны... Память о сиротском детстве рождала много волнующих творческих раздумий о войне, о Родине... Встреча с поэтом Николаем Рыленковым стала для молодого композитора началом новой, очень интересной работы: из задуманного цикла написано шесть песен и романсов.

«Дай припасть к руке твоей, Россия» — песня Н. Писаренко на стихи Н. Рыленкова. Песню «Из российской земли вытекает Днипро» Николай Писаренко написал на стихи поэта Леонида Титаренко.

ДАЙ ПРИПАСТЬ К РУКЕ ТВОЕЙ

Скрылся день в туманы росяные,
Отпылали облаков края.
Дай припасть к руке твоей, Россия,
Вечная заботница моя.

Дай поцеловать твои ладони,
Чтоб, как в детстве, сеном я пропах,
Чтоб навек остался привкус соли
На моих запекшихся губах.

Мне таить перед тобой не надо,
Где я плакал, где дарил цветы.
Все, что скрыто от чужого взгляда,
Материнским сердцем чуешь ты.

Освежит мои виски седые
Лишь твоя певучая струя.
Дай припасть к руке твоей, Россия,
Вечная заботница моя.

ИЗ РОССИЙСКОЙ ЗЕМЛИ ВЫТЕКАЕТ ДНИПРО

В дальней дымке
Тростник омывает волна,
Бьет там вечный родник,
Катит звезды со дна.

Припев.

Над ручьем журавли,
В травах птичье перо,
Из российской земли
Вытекает Днипро.

Из того родничка
Набирается сил
Украины дочка́,
Белоруссии сын.

Припев.

Над ручьем журавли,
В травах птичье перо,
Из российской земли
Вытекает Днипро.

С тем живым родником
Красноталы Днипра,
Словно хлеб с рушником,
Дарит брату сестра.

Припев.

С межпланетных высот
Прилечу к тростнику,
У зеленых осок
Припаду к роднику...

Припев.

Темное дело в Гэйтвее

Ричард ДЖЭССЕП

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Весь август и сентябрь стояли жаркие, душные дни, и только в первой неделе октября повеяло прохладой. Хотя городские газеты давно перестали писать об убийстве Элен Макдафф, а пересуды и сплетни среди горожан поутихли, происшествие не было забыто. Близился финальный акт — исполнение смертного приговора над Уильямом Уэстином.

Макдафф продал особняк одной супружеской чете из Нью-Йорка, однако новые владельцы собирались переехать только будущей весной, и дом стоял безмолвный и темный; лужайки, цветочные клумбы, живые изгороди пришли в запустение.

Макдафф окончательно поселился в гостинице «Крофт». После того как на процессе Уэстина всплыли на поверхность факты безнравственного поведения Элен Макдафф и нежелание самого Макдаффа замечать многочисленные измены жены, ему пришлось долго прятаться от назойливых репортеров. Группа Смэггенса немало потрудилась, чтобы через газеты скомпрометировать Макдаффа как одного из политических лидеров штата, и сейчас он много разъезжал по избирательным округам и участкам, стараясь всеми правдами и неправдами восстановить свою репутацию. Со дня на день ожидали сообщения о том, что на предстоящих выборах губернатора штата кандидатом группировки Слипера — Макдаффа выдвинут судья Сэм, а это означало бы, что именно он и станет следующим губернатором. Никто не сомневался, что Макдаффу и его подручным удастся замять последствия скандала, и он по-прежнему останется у руля политической жизни штата.

Честера Вирлока уведомили, что по результатам очередного медицинского осмотра его увольняют на пенсию с января будущего года. Между прочим, еще за три дня до обследования Вирлока Макдафф лично навестил врача, проводившего медосмотр...

Обитатели Бэнкер-авеню предпочитали не вспоминать о процессе над Уэстином, о том постыдном, что творилось за красивыми фасадами особняков их фешенебельного района и получило огласку на суде во время допросов Макдаффа, Эша, Вудроу, Этты Саймонсон и Роланда Гуда. И тем не менее на возобновившихся званых обедах и вечеринках нет-нет да и заходила речь о процессе.

Этта Саймонсон большую часть времени проводила дома. Роланд Гуд собирался уехать месяцев на шесть в Европу. Нонна Эш с головой ушла в разные домашние хлопоты, но время от времени ухитрялась напиться до положения риз.

Гарольд Кэйджен пытался заниматься своими адвокатскими делами с таким видом, будто ничего не произошло, но судья Дэйл ничего не забыл и пользовался каждой возможностью, чтобы скомпрометировать его перед клиентами.

Предполагалось, что Гомерех в начале будущего года уйдет в отставку и будет назначен судьей вместо Сэма. Эллендер вел себя так, словно он уже сидел в кресле начальника управления внутренних дел. Он лично вручил Фэйну выписку из приказа о его увольнении с января будущего года в виду «болезненного состояния, вызванного хроническим ожирением».

И Вирлок и Смит были отстранены от работы в прокуратуре штата. Смита перевели на ночную работу «по контролю за соблюдением закона о торговле спиртными напитками». Встречались они теперь редко, а если и встречались, не находили общих тем для разговора. Коллеги игнорировали их, и Вирлок, изо дня в день занимаясь чисто канцелярскими делами, ни к кому не ходил и ни с кем не виделся. Он считал, что выполнил свой долг, и сознание этого приносило ему известное удовлетворение. Постепенно притуплялось беспокойство, вызванное осуждением Уэстина, и опасение, что он что-то пропустил, не заметил; постепенно переставала волновать и неразгаданная тайна анонимного телефонного звонка... Все чаще Вирлок начинал думать, что Уэстин все же виновен, а он, Вирлок, во многом ошибался. Сейчас его главным образом тревожили отношения с женой. После увольнения он мог устроиться самое большее каким-нибудь ночным сторожем с мизерной зарплатой, что сулило серьезные материальные затруднения. Он-то не боялся их, но Юнис...

В начале осени, совпавшей в том году с ранними заморозками, Уэстина перевели в тюрьму в Милледжвиле. Молчаливый и мрачный, Уэстин ждал ответа на поданную Кэйдженом апелляцию. Высшие судебные инстанции оставили приговор в силе, и тогда Уэстин пытался бежать из тюрьмы, но был схвачен и брошен в карцер. После этого он целыми днями спал или пытался читать; он никому не писал сам и ни от кого не получал писем. По ночам он подолгу плакал, уткнувшись лицом в жесткую подушку.

21 октября, за восемь дней до казни, Уэстин отказался принимать пищу. По указанию врача его начали кормить насильно.

Джейн Морган и Том Келли обвенчались, и Том переехал к жене. С того дня, как Том посоветовал Джейн помалкивать о происшествии в доме Макдаффов, они не возвращались к этому разговору. Однако Джейн внимательно следила за процессом и от строчки до строчки прочитала все газетные отчеты. Показания Берты Пул в общих чертах соответствовали тому, что видела сама Джейн, и это в какой-то степени укрепляло ее в мнении, что своим молчанием она никому вреда не причиняет. Ей тоже показалось, что убийца, которого она видела, был, как и Уэстин, в пиджаке и кепке, а если у нее и сложилось о нем несколько иное впечатление, то она объясняла это (или хотела бы объяснить) тем, что была слишком потрясена.

Вечером 25 октября Том Келли вернулся с работы, привел себя в порядок, уселся в кресло и начал вслух читать газету. Джейн на кухне готовила ужин.

«...Губернатор Лайтуэлл отклонил сегодня ходатайство защиты отсрочить исполнение приговора по делу Уильяма Уэстина — убийцы Элен Макдафф, жены известного политического деятеля К. Т. Макдаффа. Приговор будет приведен в исполнение в одиннадцать часов вечера двадцать девятого октября...»

В кухне что-то упало с таким шумом, что Келли подскочил на стуле.

— Что там у тебя, Джейн? — крикнул он.

Бледная, как полотно, Джейн появилась на пороге.

— Ничего, Том, я уронила кастрюлю.

В тот вечер Джейн долго не могла уснуть. В конце концов она решила встать, выпить чашку чая и закурить, но, поднимаясь, разбудила мужа.

— Что-нибудь случилось, Джейн?

— Нет-нет! Просто я почему-то нервничаю...

— Может, тебя беспокоит предстоящая покупка домика?

— При чем тут твой домик? — раздраженно воскликнула Джейн и побрела на кухню, где вслед за ней появился и Том.

— Все же скажи, дорогая, что происходит сегодня с тобой? — ласково спросил он, обнимая жену.

— Извини, Том, я никак не могу выбросить из головы, что юноша должен будет скоро умереть, а я...

— Перестань же думать об этом! Служанка под присягой показала, что своими глазами видела, как он убил. Какой смысл начинать все сначала? Ты сама говоришь, что уже не стала бы утверждать, что это был не Уэстин, а кто-то другой. Скорее всего ты и раньше не была в этом уверена.

— Да, но его же казнят,— покачала головой Джейн,— а я, возможно, могу сообщить что-нибудь такое, что спасет его.

Том Келли уговорил жену снова улечься в постель и долго доказывал, что ее появление в полиции с таким неопределенным заявлением вызовет совершенно ненужную шумиху, новую канитель и надолго выбьет ее из колеи. Джейн уснула лишь под утро.

Двадцать шестого октября, вернувшись домой после целого дня скучнейшей канцелярской работы, Вирлок сказал жене, что собирается поехать в Милледжвиль навестить Уэстина.

— Зачем, Честер? — попыталась возразить Юнис.— Разве ты и так не сделал все, что мог?

— Не знаю. Я все время пытался не думать о нем, но... Вот сегодня, например, я проверпул гору бумаг, а спроси меня, что в них,— не сумею сказать.

— Но губернатор уже отклонил просьбу об отсрочке. Все твои усилия оказались безуспешными... Уэстин убил ее, и ты знаешь это, Честер.

— Нет, не знаю,— устало ответил Вирлок.— Именно поэтому я и хочу еще раз побеседовать с ним.

— Что ж,— согласилась Юнис,— поезжай, если так.

Вечер выдался холодный, и Вирлок включил в машине отопление. Сильный северо-западный ветер гнал сухие листья по обочинам дороги, петлявшей среди невысоких холмов красного суглинка. По радио транслировали музыку из какого-то ночного клуба в Майами, и ее звуки наполняли машину. «А ведь именно в Майами направлялся тогда Уэстин!» — вдруг подумал Вирлок. Время от времени мелодия обрывалась, и диктор принимался описывать Флориду — эту «подлинную страну грез».

До тюрьмы в Милледжвиле Вирлок добрался часов около десяти. Начальник тюрьмы хорошо знал Вирлока и, несмотря на столь позднее время, разрешил ему свидание с Уэстином. Он, правда, предупредил Вирлока о тяжелом физическом и моральном состоянии Уэстина и выразил сомнение в его способности вести разговор. Вирлок ответил, что он все же рискнет, и надзиратель провел его в камеру.

Уэстин лежал на койке с закрытыми глазами и даже не открыл их и не пошевелился, когда загремел замок двери. Не ответил он и на приветствие Вирлока.

— Извините меня,— заговорил Вирлок, невольно отводя взгляд от изможденного лица юноши.— Я очень хотел и пытался распутать этот клубок, но...

— Тогда что вам от меня нужно, мистер Вирлок? — спросил Уэстин, по-прежнему не шевелясь.

— Хочу еще раз побеседовать накануне...

— Спасибо.— Уэстин хотел сесть, но не смог. Вирлок поспешил помочь ему, потом встал рядом и прислонился к стене. Уэстин закурил, глубоко затянулся и уставился на Вирлока.

— Вам не надо отказываться от пищи,— заметил Вирлок.

— Жаль, я начал слишком поздно,— отозвался Уэстин, глядя сквозь зарешеченное окно в ночное небо.— Надо было пораньше.

— Что «надо было пораньше»?

— Начать голодать... Я надеялся, что ослабну и не буду так мучиться. Но боль тут,— он постучал себя по голове,— не проходит.

Они помолчали. Первым снова заговорил Вирлок.

— Я не могу долго оставаться здесь, Уэстин. Начальник тюрьмы — мой старый знакомый, иначе мне бы не добиться этого свидания.

— Но чего вы хотите от меня? Чтобы я снова рассказал все сначала? Сколько раз я уже рассказывал? Тысячу? Десять тысяч?

— И все же расскажите еще раз,— тихо по-

Окончание. См. «Огонек» №№ 42—47.

просил Вирлок.— Начните с того, как вы пришли на Бэккер-авеню и стали рассматривать дома. Рассказывайте все, что видели, что чувствовали... все, все, что придет на ум.

Уэстин попытался улыбнуться.

— Зачем, мистер Вирлок? Со мной все кончено.

— Я прошу вас!

Уэстин заговорил медленно, с трудом. Он рассказал о своем детстве в районе Лейнвуда в Кливленде, о том, как издали рассматривал богатые, нарядные дома и уже тогда понимал, что ему никогда не придется жить в одном из таких домов. Он сказал, что и не стремился к этому и не видел в такой жизни ничего привлекательного, но с тех пор ему нравилось бродить по красивым улицам и рассматривать красивые дома.

— У меня не было ни зависти, ни ревности к их владельцам. В тот вечер я, пожалуй, и не обратил бы особого внимания на особняки вдоль Бэккер-авеню, если бы не женщина...

— Какая женщина?

— Просто женщина. Она шла по Бэккер-авеню и вдруг споткнулась и чуть не упала. Я даже подумал, уж не пьяна ли она.

— Возможно, так оно и было? — подавляя волнение, спросил Вирлок.

— Не думаю... Она пошла дальше — немножко, правда, неуверенно,— но и не так, как шел бы пьяный человек.

— А еще что вы помните?

— Это имеет какое-нибудь значение?

— Сейчас все, решительно все имеет значение,— ответил Вирлок.— Почему вы ничего не говорили о женщине раньше?

— Вначале забыл, а потом, когда вспомнил, решил, что никакого отношения к делу она не может иметь. Я увидел ее за несколько минут до того, как услышал крик и выстрел и вбежал в дом.

— Нельзя было умалчивать об этом,— мягко упрекнул Вирлок Уэстина.— Такие детали могут оказаться очень важными. Теперь скажите: она видела вас?

— Нет. Она споткнулась, уронила сумку или книгу — я не разглядел, что именно,— и пошла дальше. Нет, меня она не заметила.— Уэстин рассказывал таким ровным, монотонным голосом, словно речь шла о чем-то совершенно ему ненужном.

— Но вам хоть удалось ее рассмотреть?

— Да, и довольно хорошо. Она прошла под уличным фонарем, и я сказал бы, что ей на вид лет сорок пять — пятьдесят. У нее большой бюст, как бывает у пожилых женщин, когда они надевают узкий корсет или что-то вроде того. Боюсь ошибиться, но, по-моему, волосы у нее каштановые, а платье на ней было светлое.

— Какого цвета?

— Голубого или розового... Нет, зеленого... Не помню...— Уэстин вяло взглянул на инспектора.— Скажите, зачем вам все это, мистер Вирлок? Я уже примирился с мыслью, что мне придется умереть.

— Я ничего не могу вам обещать. Один шанс из десяти миллионов, что я снова увижу вас живым, когда уйду из этой камеры.

— Понимаю... Вы хотите выслушать конец моей истории?

Вирлок кивнул, и Уэстин еще долго отводил душу, рассказывая о себе, о своем детстве, о том, какое горе принесло ему известие о гибели отца на войне, о днях, проведенных в детском доме. Он закончил как раз в ту минуту, когда вошел надзиратель и сообщил, что время свидания истекло.

— Биль! — сказал Вирлок на прощание.— Меня никогда не покидали сомнения, но сегодня я впервые могу заявить: я верю вам! Я верю, что вы не убивали Элен Макдафф, что все так и произошло, как вы рассказываете.

— Спасибо, мистер Вирлок.

Инспектор крепко пожал Уэстину руку, почти бегом покинул тюрьму и помчался в Гэйтвей. Остановившись у первой же бензоколонки, он позвонил Смиту и поручил вызвать в полицию к его приезду Кэйджена и Фэйна.

— Минут за пять — десять до убийства по Бэккер-авеню, близ особняка Макдаффов, проходила женщина,— начал Вирлок, когда в кабинете собрались Кэйджен, Смит, Фэйн и заместитель последнего капитан Альбертс. Он описал ее так, как рассказывал о ней Уэстин.

— Но что же мы можем предпринять? — заговорил Кэйджен.— Если бы мы знали ее фамилию...

— Тут много всяких «если»,— проворчал Вирлок.— По словам Уэстина, она несла в руках книгу. Давайте отсюда и начнем — с библиотек и магазинов. Надо поинтересоваться каждой читательницей, каждой покупательницей... Что же вы молчите? Думайте, черт побери! У нас же всего три дня!

— Вирлок, я вовсе не убежден...— начал было Фэйн.

— А я и не собираюсь ни в чем вас убеждать! — оборвал его Вирлок.— Не забудьте, что от исхода поисков зависит и ваша судьба. Почему бы не сделать еще одну попытку?

Все промолчали.

— Ну, хорошо, хорошо! — гневно крикнул Вирлок.— Просиживайте тут свои штаны, а я все равно найду эту женщину, даже если мне придется опросить всех жительниц Гэйтвея.

Он резко встал и направился к двери.

— Минуточку, Вирлок! — остановил его Кэйджен.— Дело вовсе не в том, что мы не хотим помочь вам. Мы просто не видим в этом никакой пользы.

— Дайте мне какую-нибудь ниточку, что-нибудь такое, что помогло бы установить личность женщины, и я обещаю вам всяческое содействие,— подхватил Фэйн.

— Я уже сообщил вам ее приметы со слов Уэстина. Надо опросить всех, кто проживает

в радиусе десяти кварталов от особняка Макдаффа. Надо найти людей, которые видели ее в этом районе в интересующее нас время и могут ее опознать.— В ушах Вирлока снова прозвучал анонимный голос по телефону.

— Ну, и какие же вопросы мы должны задавать? — поднимаясь, спросил Кэйджен.

— Нужно сообщать тому, с кем вы будете разговаривать, приметы женщины, спрашивать, известно ли ему что-нибудь о ней, знает ли он кого-нибудь, кто хотя бы отдаленно похож на нее,— мать, бабушку, тетю,— кого угодно, чьи приметы, пусть даже отчасти, совпадают с приметами этой женщины, и кто был в том районе в нужное нам время или даже в другое. Возможно, женщина живет не в этом районе города и случайно оказалась на Бэккер-авеню. Возможно, что она возвращалась из церкви и несла библию. Не исключено, что она няня или медсестра и читала книгу лежачему больному — значит, надо узнать, кто из жителей болел в это время и к кому приглашали няню либо сестру... Давайте с этого и начнем. Да, вот еще что... Фэйн, почему бы нам не воспользоваться вашей дорогостоящей электронно-вычислительной машиной? Все равно она стоит без дела.

— Не знаю, не знаю...— уклончиво ответил Фэйн.

Вирлок брезгливо посмотрел на него.

— Горбатого, то бишь негодяя, могила исправит!.. Ну, хорошо. Спанки сейчас на свободе. Я даю вам слово, что забуду о ваших с ним махинациях, если вы поможете нам в поисках этой женщины и отдадите соответствующее распоряжение своим подчиненным.

Фэйн некоторое время размышлял, потом тряхнул головой.

— Согласен. Что касается негодяя, называйте меня, как хотите.

— Всю собранную информацию передавайте в этот кабинет. Пять полицейских будут заносить ее вот на такие карточки.— Вирлок поднял перфорированную карточку для электронно-вычислительной машины.— Каждое отверстие представляет собой какую-то примету, характерную деталь, цвет волос, возраст, вес и так далее. После того как вся информация будет перенесена на такие карточки, мы вложим их в машину, и она отберет фамилии женщин, приметы которых совпадают с теми, что сообщил Уэстин. Мы впервые используем электронно-вычислительную машину для такой цели, и, я, признаться, не очень уверен, что она нам поможет, но у нас нет иного выхода.

Вирлок тщательно проинструктировал группу из девятнадцати детективов, которым предстояло провести опрос в кварталах, расположенных в обширном районе вокруг Бэккер-авеню, и те немедленно приступили к работе. На следующий день, в десять утра, к ним присоединились двадцать семь добровольцев, в четыре часа — семнадцать, а в полночь — еще тридцать три.

Через пятьдесят семь часов, к утру двадцать девятого октября, оказались заполненными свыше семи тысяч девятисот карточек.

— Прежде всего отберите карточки с приметами женщины в возрасте между сорока и пятьюдесятью годами,— предложил Вирлок оператору.

Машина отобрала почти три четверти всех заполненных карточек.

— Теперь отберите из этой группы всех женщин с волосами каштанового цвета,— распорядился Вирлок.

После этой операции осталось около половины карточек.

— Теперь давайте по росту. Возьмем средний рост — пять футов и пять дюймов, возраст — между сорока и пятьюдесятью, волосы каштановые. Потом возьмем по весу.

Снова и снова в течение трех с половиной часов машина тщательно сортировала карточки, отбирая одни и отбрасывая другие. Из оставшихся после этого девятнадцати карточек восемь содержали почти одинаковую характеристику женщины, одиноко проходившей по Бэккер-авеню в то воскресенье, когда была убита Элен Макдафф, между восемью двадцатью и восемью тридцатью пятью вечера.

— Ну вот, сейчас мы и определим вашу женщину,— волнуясь не меньше Вирлока, заявил оператор и заложил в машину оставшиеся девятнадцать карточек. Машина отобрала семь. Внимательно рассматривая отверстия на них, оператор громко сообщал:

— Рост — пять футов и пять дюймов... Возраст — лет сорок пять — сорок шесть... Глаза карие... Волосы каштанового цвета... Платье — светло-голубое... Профессия — либо няня, либо медицинский работник... На трех карточках из семи опрошенные называют ее миссис Джейн Морган, проживающей в доме номер двести пять по Файерхауз-драйв.

Вирлок и Смит бросились к двери.

Едва услыхав голос Джейн Морган, Вирлок понял, что его поиски увенчались успехом: это был голос той самой женщины, которая разговаривала с ним по телефону.

— Я так рада, так рада! — без конца повторяла Джейн.— Вы и не представляете, что со мной творилось все это время! Я же все видела, но так испугалась...

— А что, собственно, вы видели? — холодно спросил Вирлок.

— Ну, не само убийство, а как мужчина стоял перед женщиной и как направил на нее пистолет.

— Миссис Келли, вы понимаете, каких трудов нам стоило найти вас? — поинтересовался Вирлок.

— Не знаю, не знаю... Но я так рада, что нашли!

— Уильям Уэстин видел, как вы проходили в тот вечер по Бэккер-авеню, и даже помнит, как вы споткнулись на тротуаре.

— Правильно,— живо подтвердила Джейн,— споткнулась. Еще бы! Я так перетрусила, что у меня ноги отнялись...

— Но если Уэстин заметил вас на Бэккер-авеню уже после того, как вы увидели человека, стрелявшего в миссис Макдафф, значит, он никак не мог быть убийцей, верно?

— Конечно. Я все время знала, что там был не Уэстин.

— Знали?! — воскликнул Смит.— Знали и даже пальцем не шевельнули, чтобы спасти?

— Меня сбила с толку та служанка,— подавленно пробормотала Джейн.— Она ведь прямо указала на Уэстина...

— Это не освобождало вас от необходимости прийти к нам и высказать свои сомнения,— сухо проговорил Вирлок и встал.

Джейн заикала.

— Что со мной теперь будет? —.спросила она.

— Ничего. Формально вы не нарушили никаких законов. Но вряд ли кто-нибудь одобрит ваше поведение. Люди невольно будут задаваться вопросом, как вы позволили себе примириться с тем, что должен умереть человек, которого вы могли спасти.

В тот же день, после часового допроса миссис Джейн Келли, районному прокурору Питеру Энстроу пришлось согласиться, что ее показания проливают новый свет на дело. Скрепя сердце он доложил об этом губернатору, и тот распорядился отложить исполнение приговора.

Часов в шесть вечера Вирлок, Смит, Энстроу, Эллендер, Фэйн и Гомерех, окруженные свитой репортеров, привезли миссис Келли в дом Макдаффа. Здесь она повторила свой рассказ, показала, каким путем шла в тот вечер, и без колебаний указала окно, через которое увидела происходившую в доме сцену. Затем миссис Келли разрешили вернуться домой, газетчики разошлись по своим редакциям, Энстроу и Фэйн уехали к себе на службу, и на тротуаре остались лишь Эллендер, Гомерех, Вирлок и Смит.

— Мистер Вирлок,— заговорил Гомерех, избегая смотреть на инспектора,— я поручаю вам и Смиту продолжить расследование по делу об убийстве Элен Макдафф.

Сопровождаемый растерянным Эллендером, Гомерех сел в машину и уехал. Вирлок медленно достал сигарету. Последние, еще теплые лучи октябрьского солнца освещали сад и склоненную над клумбой фигуру Нонны Эш. Из дома слева вышла Этта Саймонсон, но, увидев Вирлока и Смита, поспешно вернулась и демонстративно захлопнула дверь. Темно и тихо было в доме Роланда Гуда. Две недели назад Гуд уехал в Европу.

— Так что будем делать дальше, мистер Вирлок? — спросил Смит.

— Дайте подумать. Дайте мне подумать...

— Ну, хорошо, Смит,— спустя некоторое время обратился инспектор к своему помощнику.— Начнем с мотивов... Кому-то понадобилось убить красивую женщину по имени Элен Макдафф... Почему?

— Какой-то мотив можно найти у каждого, кого мы допрашивали. Каждый последний из допрошенных казался нам более вероятным преступником, чем все предыдущие.

— Может быть, Саймонсон убил Элен Макдафф, опасаясь ее болтливости?

— Она не отличалась болтливостью.

— Тогда что же могло толкнуть Саймонсона на убийство?

— Кто его знает... А вообще-то я не думаю, что это он убил ее.

— И правильно делаете. А что вы скажете относительно Роланда Гуда?

— Я много о нем думал. Гуд коллекционирует сплетни, но на этот раз мог пробраться в дом в надежде поживиться еще и милостями Элен Макдафф.

— Так. Теперь перейдем к самому Макдаффу.

— Его я подозреваю, пожалуй, больше, чем других. Однако есть одно «но». Если, как он сам признает, у него иногда возникало желание убить жену, почему он не сделал этого раньше? Поводов было сколько угодно. И потом, никто из тех, кто знал их семейную жизнь, не упоминал в разговоре с нами ни о его угрозах жене, ни о ссорах между ними. Мне кажется, он говорил правду, когда утверждал, что вернулся в тот вечер только с одной целью: потребовать, чтобы жена немедленно покинула его дом. Судя по тому, что я слышал об Элен Макдафф, она бы собрала вещи и уехала.

— А спустя полчаса Макдафф помчался бы за ней,— насмешливо заметил Вирлок.

— Весьма возможно, сэр.

— Допустим на некоторое время, что преступник не он, хотя у него был мотив, и очень серьезный. Ну, а Вудроу?

— У него безупречное алиби.

— Остается Джордж Эш. У этого человека был и мотив — я имею в виду ревность,— была и возможность, но... его алиби тоже не вызывает сомнений.

— Мотив у него основательный, это верно,— согласился Смит.— И возможность прекрасная: дома напротив, рукой подать, из особняка Эша гораздо удобнее наблюдать за домом Макдаффов и подкараулить нужный момент, чем из особняков Саймонсона и Гуда. Эш вполне мог незаметно пробраться к Макдаффам, разделаться с женщиной и так же незаметно вернуться к себе. Я бы, пожалуй, без колебаний назвал его убийцей, если бы не одно обстоятельство.

— Какое?

— Показания Берты Пул. Она же утверждает, что убийца был невысоким и худым, а все, кого мы сейчас перечислили, за исключением Роланда Гуда,— высокие, крупные, легко запоминающиеся люди.— Смит покачал головой.— До тех пор, пока обе — и Берта Пул и Джейн Келли — продолжают утверждать, что убийца был низеньким и худым, им не может быть ни Джордж Эш, ни Макдафф, ни Саймонсон, ни даже Вудроу, хотя у каждого из них был мотив и каждый из них во время убийства находился где-то неподалеку.

— Согласен. Нам нельзя забывать о показаниях Берты Пул и Джейн Келли. Но тогда у меня возникает вот какая мысль: если надо искать невысокого, худого человека, то не могли оказаться им какой-нибудь прохожий? Сделав свое дело, он мог выбежать через заднюю дверь и скрыться.

— Теоретически не исключено, но не думаю. В тот вечер к Макдаффам то приходили, то уходили люди. Случайного прохожего это бы отпугнуло. И еще: вспомните, сколько людей мы опросили, когда искали Джейн Келли, и ведь ни один из них даже не упомянул о ком-то человеке, которого бы заметили в нужное нам время близ дома Макдаффов, за исключением, конечно, тех, кого мы уже проверяли... Нет, нет, мистер Вирлок! Это не мог быть прохожий. Убийца живет где-то здесь, по соседству, он невысокий и худой — это не вызывает сомнений, ведь Пул и Келли не могли сговориться.

— Вполне резонно,— согласился Вирлок.— Вот что я хочу предложить: раз уж мы тут, рядом, давайте-ка еще раз поговорим как следует с Бертой Пул.

Смит кивнул, они пересекли улицу и направились к особняку Эшей. Заметив работавшую в саду хозяйку, Вирлок и Смит подошли к ней.

— Здравствуйте,— поздоровался инспектор.— Вы, наверно, уже слышали, что получены данные, опровергающие виновность Уэстина?

Нонна Эш выпрямилась над клумбой, запахнула на себе старый пиджак и холодно взглянула на Вирлока.

— Ну и что? Теперь вы собираетесь арестовать моего мужа?

— Но если убийца не Уэстин, против мистера Эша возникают серьезные подозрения... Смит, позовите Берту Пул.

Смит быстро направился к дому.

— Мужа нет.

— Я хочу говорить не с ним, а с вашей служанкой,— пояснил Вирлок, обводя взглядом сад.— А вы, миссис Эш, кажется, обожаете цветы. По-моему, у вас самый красивый сад во всем городе.

— Во всяком случае, хотелось бы думать.

— Вы, конечно, уделяете ему массу времени? Я хорошо это знаю: моя жена тоже увлекается цветами.

— Приходится,— односложно ответила Нонна Эш, занятая какими-то своими мыслями.

Из дома появились Берта Пул и Смит.

— Здравствуй, Берта,— начал Вирлок, когда они подошли.— Мне хотелось бы уточнить коечто. Мы нашли еще одного свидетеля, и, если верить его показаниям, никак не получается, что ты могла видеть, как Уэстин убивал Элен Макдафф.

Берта развела руками.

— Ничем не могу помочь, сэр. Я говорила то, что видела.

— Понимаю, понимаю. Я же не утверждаю, что ты лгала. Так вот, ты заявила, что это не был ни мистер Эш, ни мистер Макдафф, поскольку оба они высокие и крупные, а убийца, по твоим словам, невысокий и довольно худой. Так, Берта?

— Так, сэр.

— Миссис Джейн Келли тоже видела убийцу и тоже описывает его как сравнительно невысокого и худого человека, но это не мог быть Уильям Уэстин, потому что, когда она проходила мимо дома и увидела в окно убийцу с пистолетом в руке, Уэстин находился на улице, недалеко от нее.

— Ей лучше знать, что видела ОНА, сэр, а я говорю о том, что видела Я.

— Однако ты тоже не сразу опознала Уэстина: ему пришлось надевать пиджак и кепку.

Берта растерянно посматривала то на него, то на Смита, то на хозяйку.

— Если вы говорите, что это был не Уэстин, тогда я не знаю, кто это был.

— А это была миссис Эш, Берта, в том же самом пиджаке, который сейчас на ней, и вот в этой же мужской спортивной кепке. Скажи, миссис Эш надевает охотничью или спортивную кепку с длинным козырьком, когда выходит работать в сад?

— Что за глупости вы говорите! — побледнев, крикнула Нонна Эш.

Вирлок не сводил с Берты взгляда. В глазах у женщины промелькнул ужас, она внимательно посмотрела на хозяйку, и на лице у нее отразилось смятение.

— Так это была миссис Эш, верно, Берта? — спокойно, но твердо повторил Вирлок.— Из-за пиджака и кепки ты приняла ее за мужчину... А кроме того, ты и мысли не могла допустить, что это была миссис Эш.

Берта стояла с полураскрытым ртом, продолжая всматриваться в хозяйку.

— Не верь ему, Берта! — Миссис Эш протянула к ней руки.— Не верь! Он морочит тебе голову!..

— Вы заметили, миссис Эш,— продолжал Вирлок,— что ваш муж внимательно наблюдает за домом Макдаффов. Вы прошли в сад и сделали вид, что занялись цветами. По обыкновению на вас был его старый пиджак и кепка с длинным козырьком. Как только Макдафф уехал, ваш муж незаметно отправился к его жене. Вы уже знали, что ваш супруг возобновил роман с Элен Макдафф, и поняли, что он пошел на очередное свидание с ней. Побыв некоторое время у Макдаффов, он вернулся.

— Ложь! — в отчаянии воскликнула Нонна Эш.

— Вы боялись потерять мужа и потому тут же отправились к Элен Макдафф, собираясь

переговорить с ней и раз и навсегда положить конец этой связи. По всей вероятности, она рассмеялась вам в лицо, а может, просто промолчала, не желая вас замечать. Вы говорили, а она молчала и улыбалась. Именно так она вела себя со своими любовниками и не видела необходимости вести себя иначе с ревнивой женой.

— Ложь, ложь, ложь! — крикнула миссис Эш.

— У вас, миссис Эш,— невозмутимо продолжал Вирлок,— был и мотив, и возможность, и неплохое алиби. Вы часто бывали в саду, и никто не обращал внимания, когда вы там появлялись и когда уходили. Вы работали в саду в разное время, и поэтому муж, вернувшись в тот вечер домой, не заметил вашего отсутствия; он клялся и божился, что вы были вместе, когда раздался выстрел. На самом же деле, выстрелив в Элен, вы тут же бросились бежать, обогнули особняк Мандаффов, перебежали улицу и укрылись у себя. Это ваши шаги слышал Уэстин. В сумерках вас легко можно было принять за Уэстина — такой же широкий пиджак был и на нем, кепка очень похожа на вашу.

Итак, вы проскользнули к себе через черный ход, сняли пиджак, сбросили кепку и вошли в комнату, где ваш муж сидел у телевизора. Именно тогда, очевидно, он и спросил вас, не слышали ли вы звук, похожий на выстрел. И что же вы ему ответили, миссис Эш? Вероятно, вы ответили, что ничего не слышали: вам надо было выиграть время. Тогда муж сказал, что это определенно был выстрел, и вышел узнать, в чем дело.

Нонна Эш с ужасом смотрела на Вирлока. Берта плакала.

— Кстати, почему вы так много пьете, миссис Эш? — спросил Вирлок.— Помните, мы пришли к вам утром, а вы уже еле держались на ногах. Ваш муж поразился, когда мы рассказали ему об этом. Почему, миссис Эш, такая женщина, как вы, должна напиваться с утра? Молчите?— Вирлок повернулся к Берте.— Так ты видела миссис Эш, Берта, я не ошибаюсь?

Берта разрыдалась и закрыла лицо передником.

Нонна Эш вдруг криво улыбнулась и прошептала:

— Слишком уж она нравилась всем...

Смит шагнул к миссис Эш и положил руку ей на плечо.

— Пойдемте,— сказал Вирлок.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

10 ноября в кабинет Вирлока вошел Уэстин.

— Как дела, Биль? — спросил Вирлок.

— Ничего, терпеть можно,— ответил Уэстин; он все еще был худ и бледен после голодовки в тюрьме.

— Когда вы приехали в Гэйтвей?

— Вчера. Меня привез мистер Кэйджен.

— Кэйджен? — удивился Вирлок.

— Да. Он встретил меня, когда я выходил из тюрьмы. По дороге он много рассказывал о вас и о мистере Смите и благодарил меня, а вот за что — я так и не понял. Говорит, словами этого не выразишь... За что он, собственно, благодарил меня?

— Как бы это объяснить вам... Одним словом, благодаря вам и вашему делу он почувствовал себя... нашел в себе человека.

— Нашел-таки? — улыбнулся Уэстин.— Ну, я рад... Однако мне пора, мистер Вирлок, прощайте.

Вирлок вышел из-за стола и подал юноше руку.

— До свидания, Биль. Надеюсь, вы хоть изредка будете мне писать? А может, и навестите, если доведется проезжать через наш город?

Уэстин пожал протянутую ему руку и покачал головой.

— Прощайте, мистер Вирлок. Я не забуду, что вы спасли мне жизнь, но писать не стану, а в вашем городе ноги моей больше не будет.

— Понимаю, Биль, понимаю... Прощайте.

Проводив Уэстина, Вирлок подошел к окну и закурил, но в это время раздался звонок внутреннего телефона, и он поднял трубку. Говорил Смит.

— Любопытная новость, мистер Вирлок!

— А именно?

— Только что поступило заключение консилиума врачей-психиатров о Нонне Эш. Они подыскали для нее подходящую болезнь с таким мудреным названием, что ни прочитать, ни произнести! В общем, признали ее невменяемой и потому не несущей ответственности за свои поступки. Наш уважаемый прокурор Питер Энстроу проявил неслыханную оперативность: уже вынес решение, что дело против нее прекращается. Начальник управления внутренних дел только что отправился к Макдаффу. Сегодня мы узнаем и о вашей судьбе.

— Узнаем, узнаем...— меланхолически повторил Вирлок.— А пока все же надо съездить домой пообедать. Позвоните, если что выяснится.

— Обязательно, сэр.

Вирлок еще долго стоял у окна, прислушиваясь к шелесту опадающих листьев. Он прекрасно понимал, что не может ждать ничего хорошего от визита начальника управления внутренних дел в гостиницу «Крофт», но это не мешало ему испытывать чувство глубокого удовлетворения: он сделал все, чтобы его не мучила совесть. Ну, а если цена за это окажется слишком высокой, что ж... Сознание, что он поступил честно, поможет ему перенести любые трудности.

Вирлок докурил сигарету, неторопливо поднялся и так же неторопливо вышел из кабинета.

Перевел с английского
Ан. ГОРСКИЙ.

Корреспондент «Огонька» Ю. ЧЕРНЯВСКИЙ обратился к прокурору РСФСР тов. Б. В. КРАВЦОВУ с просьбой рассказать читателям о борьбе с самогоноварением. Вот что рассказал нашему корреспонденту государственный советник юстиции I класса Борис Васильевич КРАВЦОВ.

Самогонщ

В зеленых зарослях, уютно раскинувшихся недалеко от совхоза «Новая жизнь», что в Аннинском районе, Воронежской области, развалились трое пьяных. Кругом разбросаны бутылки из-под самогона, обрывки бумаги, пустые консервные банки.

У выпивох, которые до позднего вечера «выясняли свои отношения», спрашивают:

— Где вы взяли самогон?

— Сами не знаем.

— Давно здесь сидите?

— С утра, а может, и раньше...

— На работу ходили?

— Когда есть самогон, какая работа? Обойдутся и без нас!

— Самогон сами варили?

— Вот еще! Этого добра и так в совхозе хватает...

Побывав в зале судебного заседания, проходившего в совхозе, каждый мог убедиться, что любители хмельного знали, что говорят.

На местах подсудимых — работники совхоза Иван Васильевич Грибков и его жена Александра Ивановна. Не один день затратили они на сооружение аппарата, а потом перешли «в ночную смену» — гнали сивуху. Поймали их с поличным, обнаружили и «агрегат» и полное ведро самогона. Объяснения Грибковых весьма примитивны: «Думали, обойдется, гостей хотелось попотчевать...»

Воронежская областная газета «Коммуна» вполне обоснованно заметила как-то, что в совхозе «Новая жизнь» самогоноварение стало чуть ли не местным промыслом. И действительно, тем же самым судебным заседанием в уголовном порядке были наказаны и другие самогонщики — Коротенко и Макарова, которые, не утруждая себя работой на производстве, заботились только о том, чтобы увеличить «выход» своей омерзительной «продукции».

Известно, что любой алкогольный напиток пагубно действует на человека, но самогон страшнее во много раз. Из неочищенного спиртного перегона, изготовляемого на самодельных аппаратах, нельзя удалить ядовитые примеси, отравляющие организм.

Возникает естественный вопрос: почему в совхозе процветало это зло?

Руководители общественных организаций совхоза часто говорили об укреплении трудовой дисциплины, о необходимости искоренить пьянство. Но живучесть этого порока здесь в большой мере объясняется тем, что борьбу против него рассматривают как очередную кампанию: поговорят вообще о вреде алкоголя — и на этом дело кончается.

Перелистывая страницы многих уголовных дел о самогоноварении, приходишь к выводу, что в таких случаях часто находятся люди, которые, увидев пьяную компанию, рассуждают так: «Напились — проспятся, ничего страшного не случилось, это их личное дело».

Но давным-давно доказано, что там, где собираются пьяницы, за закрытой ли дверью квартиры, в темном углу сквера или в подворотне, рано или поздно произойдет несчастье. Следовательно, контроль за поведением пьяниц нельзя рассматривать как вторжение в чью-то личную жизнь. Такой контроль берет под защиту общественные интересы, святые идеалы советского правопорядка.

Всяческой поддержки заслуживает практика местных советских и общественных организаций, которые ведут острую, наступательную борьбу против пьянства. В Ставрополье, например, отпечатали 1 200 больших плакатов, показывающих степень ответственности за нарушение установленных норм поведения. Эти плакаты вывешиваются на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах. Повышается роль клубов, изб-читален, красных уголков, колхозных и сельских библиотек в развертывании профилактической работы. В лекциях, докладах и беседах на правовые темы ведется конкретный разговор о горькой «хронике» тех, у кого незаметно для них самих под влиянием алкоголя сузился круг интересов, снизились умственные способности, проявилась душевная и физическая деградация.

Большая массово-политическая работа ведется в Ярославской области. И надо сказать, что весьма велика организующая и мобилизующая сила проводимых там собраний коллективов трудящихся. Рабочее слово бьет прямо в цель. Правильно поступают в Курской области, где материалы уголовных дел, решения о наложении административных взысканий используются для устранения условий, которые в той или иной степени способствуют пьянству.

Вместе с тем повсюду всемерно поднимается роль закона в утверждении правил социалистического общежития. Речь идет и об усилении уголовной ответственности за самогоноварение. В Указе Президиума Верховного Совета РСФСР от 19 июня 1972 года предусматривается, что повторное изготовление или хранение с целью сбыта самогона, чачи, араки, тутовой водки, браги или других крепких спиртных напитков домашней выработки наказывается лишением свободы на срок от трех до пяти лет. Причем у преступника может быть конфисковано имущество.

Прокуратура Российской Федерации установила строгий надзор за неуклонным и последовательным применением закона. Усилия органов прокуратуры направляются на всестороннее изучение условий, которые позволяют антиобщественным элементам творить свои вредные дела. Наша первостепенная задача сейчас — свести на нет общественно опасное влияние преступников, прибегающих к различным ухищрениям и уверткам. Пойманные с поличным самогонщики, понимая, что отрицать вину бесполезно, пытаются выискивать всяческие предлоги для оправдания своих преступных действий. Вот несколько примеров.

Житель села Молотычи, Фатежского района, Курской области, Иван Степанович Лукин, купив сахара и дрожжей, тут же сварил 15 литров самогона. Проходит несколько дней, и он решает механизировать «производство». В соседнем нежилом доме Лукин соорудил аппарат и сразу же поставил там варить несколько ведер сивухи. Свои действия он объясняет до наивности просто: «Ведь скоро праздник Козьмы и Демьяна, надо же угостить людей».

То же самое и в Шебекинском районе, Белгородской области. Мария Петровна Гойдина живет одна, не обременена никакими заботами. Стаж самогонщицы у нее солидный. Недавно она опять изготовила целую бочку закваски и спрятала в недостроенном сарае. А причины выставляет самые что ни на есть «благородные»: «Предполагала отремонтировать кухню, надо же угостить плотников».

Некоторые превращают самогоноварение в настоящий промысел. Жители деревни Гишина Лощина, Курской области, Василий Давыдович Мокроусов и его жена Александра Максимовна систематически занимались изготовлением самогона и продавали его любителям хмельного по сходной цене. Недавно у

них нашли два бака с самогонной закваской, корыто с металлической трубкой и 74 килограмма комбикорма! Мокроусова заявила, что самогон она изготовила на крестины ребенка, а комбикорм похитила на птичнике колхоза «Маяк». Но потом преступники были изобличены в более опасных, просто гнусных действиях. Мокроусов, продавая самогон несовершеннолетнему Василию Рыкову, склонил его похитить комбикорм и кур в совхозе «Тиняковский».

Разговор о «мотивах» ведется не случайно. У нас еще не хватает настоящей нетерпимости к рассадникам ядовитого зелья. Кое-кто при решении вопроса об ответственности самогонщиков принимает на веру их выдумки. Даже в юридической печати нет-нет да и проскользнут нотки снисходительного к ним отношения.

Центральный Комитет КПСС в своем постановлении об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом рекомендовал активно использовать печать для улучшения противоалкогольной пропаганды, разъяснения того огромного вреда, который пьянство наносит здоровью людей, воспитанию детей и подростков, всему советскому обществу.

Средства массовой информации включаются в большое общенародное дело борьбы с алкоголизмом. А ведь не так уж давно во многих кинокартинах и пьесах немалое место занимали сцены разгульных пиршеств. Так искусство поэтизировало пьянство, оказывало алкоголикам моральную поддержку.

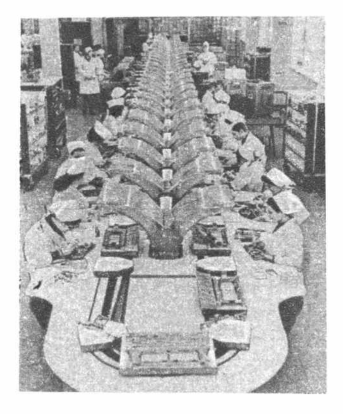
Нельзя не приветствовать появление научно-популярных фильмов, раскрывающих разрушительные последствия пьянства и алкоголизма. В частности, большое психологическое воздействие на зрителя оказывает фильм «Ответственность», он дает повод для серьезных размышлений.

За последнее время прошло немало судебных процессов над самогонщиками. Мы попытались проанализировать эти дела, присмотреться к причинам, которые побуждают отдельных людей идти на тяжкие преступления, направленные не только против человека, но и против общества. Надо сказать, что для подавляющего большинства осужденных характерны жадность, корысть, нежелание честно трудиться, паразитический настрой. Они ищут легкого заработка, хотят нажиться за счет людей слабовольных и тех, у кого болезненное пристрастие к алкоголю перешло все границы.

Самогонщики цинично эксплуатируют несчастье других, активно способствуют окончательному падению лиц, вставших на путь пьянства. Они действуют незаметно, исподтишка, исподволь, тайно. Домашние производители хмельного прибегают к коварным способам обмана, всегда стремятся остаться в тени, незамеченными. Их не смущает, что мутная смесь, которая продается из-под полы, отравляет людей, толкает их порой на преступление.

Самогонщики, как правило, сами не убивают, не насилуют, не участвуют в грабежах и разбоях, но при их пособничестве совершаются сотни тяжких преступлений. Объективно говоря, в морально-нравственном отношении они прямые соучастники различного рода посягательств на социалистический правопорядок, возникающих на почве пьянства.

Таков облик самогонщика, причиняющего огромный вред человеку и обществу. И поэтому борьба с ним должна быть беспощадной.

«КОМЕТА» НАБИРАЕТ СКОРОСТЬ

За один только день новосибирский фирменный магазин «Орбита» продал сто «Комет-209». Это первый в стране четырехдорожечный магнитофон, выпущенный новосибирским заводом точного машиностроения. Три скорости движения ленты обеспечивают высококачественную запись и непрерывное воспроизведение музыки в течение почти четырех с лишним часов, а речи — в течение почти девяти часов. «Комета» снабжена дистанционным управлением, может использоваться и в качестве диктофона.

Ю. ЛУШИН
Фото А. Зубцова.

МИНИ-ПИАНИНО

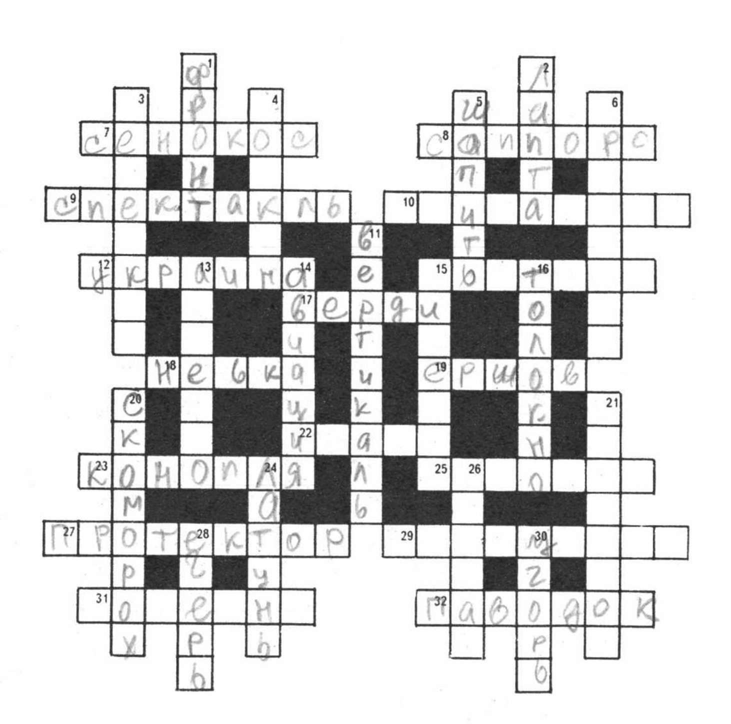
«Красный Октябрь» — старейшая в стране фабрика клавишных инструментов. Около полувека назад она освоила выпуск первых советских пианино целиком из отечественных материалов. С этой поры фабрика стала своеобразной школой мастерства. Ленинградцы передавали свой опыт и снабжали полуфабрикатами родственные предприятия, возникавшие в Армении, Белоруссии, Грузии, на Украине...

Ныне пианино с маркой «Красный Октябрь» пользуется большим спросом не только на внутреннем, но и на внешнем рынках. В числе постоянных заказчиков — Англия, Голландия, Греция, Норвегия, Болгария, Финляндия... Подготовлена к отправке крупная партия пианино во Францию и Швецию. Среди них новинка — мини-пианино, которое хорошо вписывается в интерьер современной небольшой квартиры. Высота его — 104 сантиметра. Известно, что чем меньше размер клавишного инструмента, тем слабее сила его звучания. Ленинградцам, создавшим этот инструмент совместно с Московским научно-исследовательским конструкторско-технологическим институтом музыкальной промышленности, удалось сохранить длину струн и хорошее звучание.

И. СЫСОЕВА

На переднем плане — мини-пианино «Ленинград-104».

Фото В. Самойлова.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Сельскохозяйственная работа. 8. Административный центр острова Хоккайдо в Японии. 9. Театральное представление. 10. Глагольно-именная форма. 12. Союзная республика. 15. Артиллерийское орудие. 17. Итальянский композитор. 18. Приток Невы. 19. Автор сказки «Конек-Горбунок». 22. Озеро в Финляндии. 23. Волокнистое и масличное растение. 25. Животное, обитающее в тропиках. 27. Резиновый слой по окружности шины. 29. Прозрачный термопластичный материал. 31. Русский и украинский филолог. 32. Подъем воды в реке.

По вертикали: 1. Пьеса А. Корнейчука. 2. Русская игра с мячом. 3. Журнал, в котором сотрудничал В. Г. Белинский. 4. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Золотой петушок». 5. Передвижной цирк. 6. Крупное музыкальное произведение. 11. Отвесная прямая линия. 13. Поэма А. С. Пушкина. 14. Воздушный флот. 15. Автор памятника Б. Хмельницкому в Киеве. 16. Овсяная мука. 20. Странствующий актер в Древней Руси. 21. Опера А. Н. Верстовского. 24. Сплав меди с цинком. 26. Город во Франции. 28. Специалист в охотничьем хозяйстве. 30. Рыба со змеевидным телом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали: 4. Писемский. 7. Такси. 8. Темза. 10. Книга. 12. Брезент. 14. Карпаты. 15. Фреза. 16. Кальмар. 17. Триод. 18. Левша. 20. Инсбрук. 22. Праща. 23. Берлога. 24. Ледокол. 25. Просо. 27. Вебер. 28. «Титан». 29. Милитриса.

По вертикали: 1. Чистик. 2. Ракита. 3. Умбриель. 5. Фанера. 6. Азурит. 9. Фейерверк. 11. «Наливайко». 13. Тактика. 14. Каракал. 19. Апогей. 21. Барометр. 22. Пиджак. 25. Прилив. 26. Оттиск.

На первой странице обложки: Бригадир монтажников Юрий Григорьевич Дорофеев. Сейчас он строит мост, по которому пойдут поезда к берегам Тихого океана.
На последней странице обложки: На заводе «Амурсталь».
Здесь, у Комсомольска, перекинется через Амур красавец мост.

Фото Г. Копосова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36 28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 6/XI-72 г. А 00754. Подп. к печ. 21/XI-72 г. Формат бумаги 70 × 108$^{1}/_{8}$. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2514. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3717.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

Вик. ВАСИЛЬЕВ
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Если бы мифическая богиня шахмат Каисса могла в первые дни ноября побывать в Центральном шахматном клубе СССР, она бы, наверное, разинула рот от изумления. По одну сторону столиков — гроссмейстеры с богатым прошлым, по другую — юные кандидаты в мастера и перворазрядники с богатым будущим. По одну сторону — бывшие чемпионы мира либо на худой конец претенденты на этот заветнейший титул, по другую — тоже вероятные претенденты, а может быть, и чемпионы...

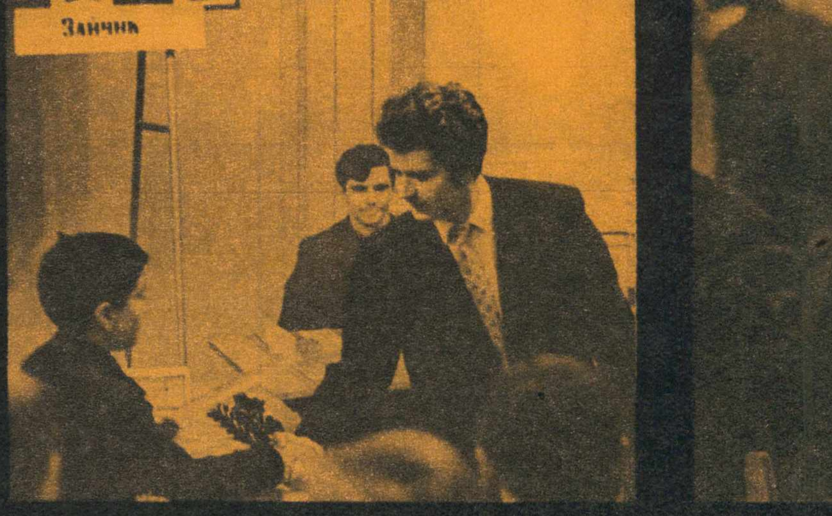
Но, играя против пионеров, гроссмейстеры в то же время играли и за них! И не только в символическом смысле, но и в самом прямом. Ибо турнир Дворцов пионеров, организованный по инициативе и при горячей заинтересованности комсомола и посвященный 50-летию пионерской организации имени В. И. Ленина и полувековому юбилею нашего государства, проводился по весьма затейливой системе. Каждая команда состояла из шести юных шахматистов Дворцов пионеров Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Риги и Челябинска. Ребята боролись за победу вместе с гроссмейстерами, своими капитанами — в прошлом воспитанниками шахматных кружков этих же Дворцов пионеров, причем играли ребята только против капитанов других команд. Таким образом, каждый капитан, а в этой роли выступали экс-чемпионы мира Василий Смыслов, Михаил Таль, Тигран Петросян, Борис Спасский, претендент на это звание Давид Бронштейн и, наконец, экс-чемпион мира среди юношей Анатолий Карпов, давал и сеанс одновременной игры на шести досках.

Всего шесть досок — это совсем не много, не правда ли! Теперь можно открыть секрет: устроители соревнований очень боялись, что силы окажутся слишком уж неравными и капитаны в большинстве случаев будут побеждать с сухим счетом. Перед началом турнира звучали даже олимпийские мотивы: дескать, главное — не победа, главное — набраться шахматного ума-разума во встречах с прославленными гроссмейстерами. Но, как выяснилось, школьников такой вариант не устраивал.

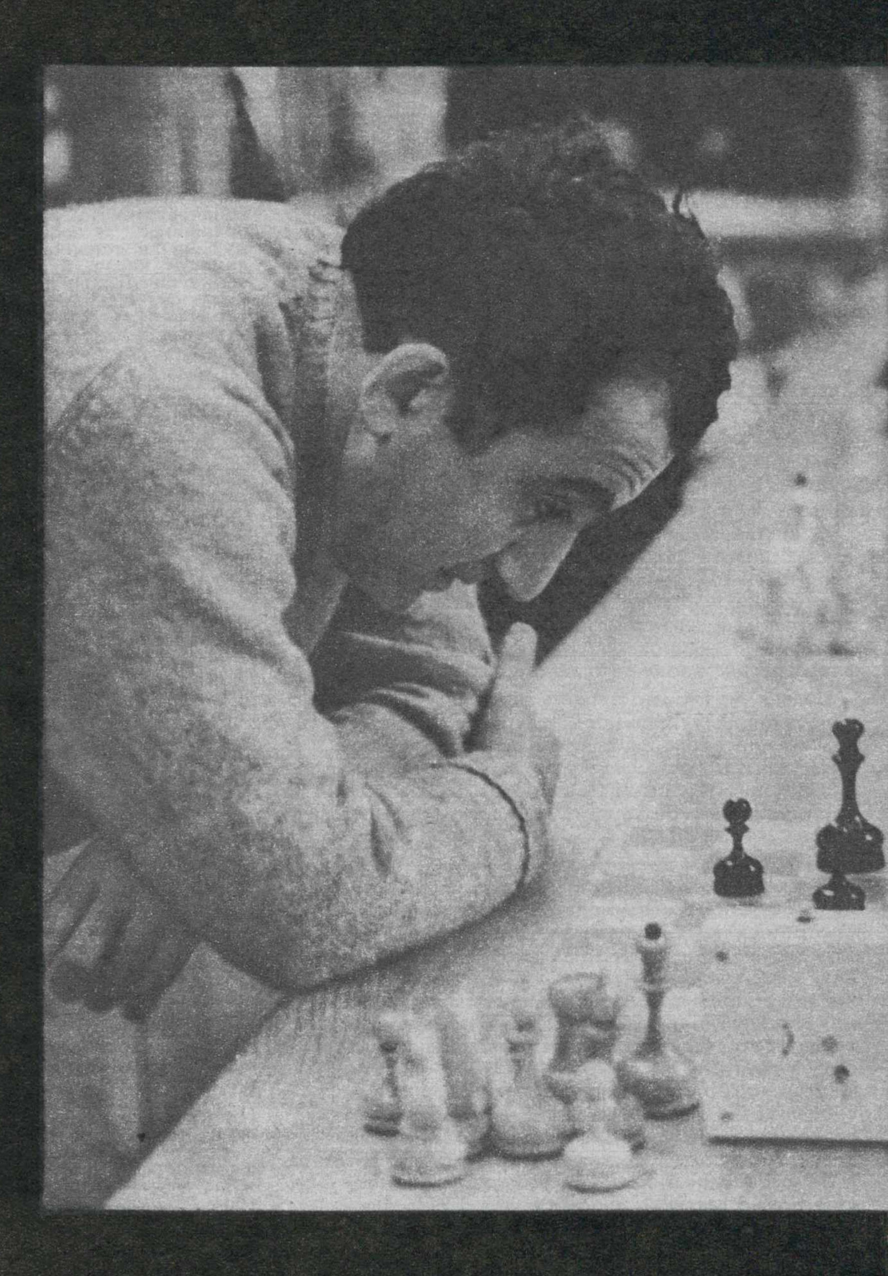
Если кто-нибудь из капитанов и питал иллюзии по поводу того, что их ожидает, то уже после первого тура наступило отрезвление. Первым ощутил на себе силу ребячьего напора капитан москвичей Смыслов. Он не только потерял два с половиной очка из шести, но, играя с ленинградцем Алешей Юнеевым, потерпел сокрушительное поражение. Год назад в Ленинграде я видел, как Алеша, работавший на чемпионате страны по шахматам демонстратором партий, горько рыдал за кулисами: он опоздал на тур, и его заменили на ответственном посту другим мальчиком. Теперь Алеша двигал не чужие фигуры, а свои и действовал так смело, что эта партия была признана красивейшей в соревновании.

Дольше всех держался Таль, но в последнем туре свалили и его, а капитан киевлян Бронштейн вообще проиграл матч — юным шахматистам Москвы. В некоторых партиях ребята играли настолько интересно, что заставили многочисленных болельщиков следить за их партиями с затаенным дыханием. Когда тринадцатилетний челябинский пионер Сеня Двойрис объявил Спасскому мат в два хода, его чуть не вынесли на руках из-за столика.

...47 лет назад 14-летний ленинградский пионер Миша Ботвинник выиграл в сеансе у тогдашнего чемпиона мира Капабланки. Можно не сомневаться, что в шахматной жизни будущего чемпиона мира (кстати, главного арбитра этого пионерского соревнования) победа над Капабланкой сыграла важную роль. Кто знает, не случится ли так, что Саша Кочиев, Сережа Пеккер (отобравший у гроссмейстеров три очка из пяти), Валерий Чехов, тот же Сеня Двойрис или любой другой участник турнира повторят путь Ботвинника. И с каким же благодарным чувством будут они тогда вспоминать эти волнующие встречи с гроссмейстерами!..

Традиционное приветствие перед партией запомнится пареньку на всю жизнь: шутка ли, сам Спасский пожал ему руку!

Василий Смыслов. Трудная партия.

Всего несколько лет назад капитан челябинцев гроссмейстер Анатолий Карпов сам играл за школьную команду.

Автограф самого Давида Бронштейна!

Капитан рижан Михаил Таль и главный арбитр турнира Михаил Ботвинник на закрытии турнира.

ЧЕМПИОНЫ БЫВШИЕ И... БУДУЩИЕ

Экс-чемпион мира Тигран Петросян и ученик 9-й школы Челябинска Сеня Двойрис... Как видите, больше озабочен капитан тбилисской команды: ему очень хочется выиграть. Но пионер защищался с петросяновским упорством, и гроссмейстеру пришлось смириться с ничьей.

Таланты и... поклонники.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663